

ЛІАДІ

1

1991

*Журнал для
семейного
чтения*

Друзья!

Думаем, что имеем право
обратиться к вам именно так;
надеемся, что вы держите в руках
наш журнал без предубеждения к нему,
но с доверием и надеждой.

Те же чувства были и у нас, когда
готовили этот номер. Мы верили, что вологжане
поддержат издание, цель которого — по мере сил
помогать установлению в нашей жизни гармонии, согласия.

Словом, **ЛАДА**.

И огромное спасибо всем, кто на журнал подписался, —
без вашей поддержки он не смог бы появиться на свет.

Что мы можем вам обещать?

Первый русский журнал, выходящий
в восемнадцатом еще веке, назывался
«Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Примерно так можно определить и цели нашего журнала:
служить пользе и увеселению,
давать и пищу для серьезных размышлений, и развлечение.
Что в этом номере есть, вы увидите сами. Вначале хочется
сказать о том, чего нет — и, надеемся, никогда не будет:
материалов, крайне политизированных.

Конечно, журнал не собирается обходить своим вниманием
острых (а, может, в какой-то мере и скандальных) тем.

Никакого отступления от заявленной программы, поверьте,
здесь нет. Дело ведь не столько в том, о чем писать, —
но и в том, как. Многое, если не все, зависит
от позиции автора. От его интонации.

От того, ради чего написан материал.

В этом номере вы найдете рассказ женщины, на себе
испытавшей тяготы самого, наверное, мучительного
периода в жизни нашей страны. Где же здесь лад? —
спросите. Но разве взыскать гармонии — значит
отворачиваться от того, что ее рушит, коржит?

Нельзя вернуть в семью мир после ссоры,
не определив четко и ясно, в чем причина раздора.
Не зная болезни, не выяснив, как далеко она зашла,
не вылечить — ни человека, ни семью, ни общество.

Мы надеемся — и приложим к этому все усилия —
что наш «ЛАД» станет спутником каждой вологодской семьи.

А может, и не только вологодской... Верим, что на страницах
журнала стар и млад найдут
себе хотя бы несколько
страничек по душе.

Редколлегия.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

И я пошел в областной агрокомитет, чтобы узнать: будет или не будет в продаже хоть какая-то картошка.

Владимир СТЕПАНОВ. «Печальная тайна картошки», стр. 6.

«Поверьте мне, я чист душою...»

Стихи Николая РУБЦОВА. В январе исполняется 55 лет со дня рождения поэта и двадцать лет со дня его гибели, стр. 9.

Было ли время, когда религии не было?

Проповедь отца Виталия ОСИПОВА, стр. 15.

И всю-то жизнь боялась... Вдруг подумают, что я, когда-то раскулаченная, специально на вред делаю...

О своей жизни рассказывает Ольга ЛИСТИКОВА, стр. 19.

И тогда понял я в страхе, что ведет нас с сыном по бурелому сила скрытная, сила тайная...

Рассказы Александра ЦЫГАНОВА, стр. 46.

Целых три года шел я за ним по пятам. Не удавалось вычислить, какую же кассу он будет брать в следующий раз.

Детективный роман Вячеслава ГОЛЯШЕВИЧА, занесенный в «Книгу рекордов Гиннеса», стр. 25.

Каждый, кто соглашался было приносить клятву «честь пацана», но слово не держал, должен был за это расплачиваться.

Над судебными приговорами по делам о проделках компаний «трудных» подростков размышляют Юрий ГАВРИКОВ и Александр РЕМБУЕВ, стр. 43.

Редакционная коллегия:

Е. В. Некрасов (редактор), В. Д. Елесин, С. И. Зайцева (зам. редактора),
О. Н. Митичева, Л. В. Паншев,

А. К. Сальников (отв. секретарь), К. Л. Файнберг.

Адрес редакции: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3. Телефоны: 5-22-25, 2-53-63.

КОМУ НА РУСИ?..

Конечно, желание определить, кому же на Руси жить хорошо, появилось задолго до знаменитой поэмы. Собственно говоря, у Некрасова-то вопроса никакого нет; там, скорее, обещание рассказать, кто же счастлив в многострадальной нашей Отчизне. Но чеканная формулировка пришлась по сердцу всем, кто мучился этим вопросом всю жизнь, вот и обрела она натвердо вопросительную интонацию. Сейчас, по-моему, вопрос этот задают гораздо чаще, чем прежде. Только вот — с какой интонацией?

Странники-мужички, помнится, хотели найти «кому живется весело, вольготно на Руси», чтобы и самим стало хоть чуть полегче. Узнали бы, что есть такие — глядишь, и собственные тяготы не столь уж непереносимыми показались бы. Однако семи героям этого, как все знают из школьного курса литературы, не удалось. Ни крестьянину, ни барину, ни попу счастливая судьба так и не выпала. Даже народному радетелю Грише Добросклонову (хотя его-то дорога, как уверяли нас авторы учебников, и есть самая счастливая). Но — какое же это счастье: «чахотка и Сибирь»...

А нынче? Было время — совсем недавно — когда представители всех советских сословий наперебой старались доказать друг другу и всем остальным, что именно они (рыбаки, артисты, нефтяники, хлеборобы, слесари, шахтеры... — в список включались все мыслимые специальности) и обладают по-настоящему счастливой судьбой. Теперь переключка представителей тех же профессий продолжается — но уже затем, чтобы до-

казать совершенно обратное. Не о прелестьях своей жизни, а о невыносимости ее говорят. Да еще и обижаются, бывает, когда кто со стороны попробует сказать, что им-де тоже неважно живется... «Что ваше худо! Вот наше-то — самое худое и есть...»

Тех, кому, несмотря ни на что, живется неплохо (пусть и не абсолютно, а на общем нашем фоне), тем не менее искать продолжают. И даже с большим рвением, нежели мужички из поэмы. И ведь находят! Для чего только? Вовсе не за тем, чтобы успокоиться и, благословив счастливица и удачника, вернуться к своим делам. Нет — тут облегчения не наблюдается. Такой поднимается шум: «Мы-то хуже всех живем, и как это кто-то смеет жить по-иному! Агу его!».

Не столько на поиски идеала это похоже, сколько на следствие. С теми же зачастую последствиями.

Что-то перевернулось в нашем мире. Стыдно, оказывается, жить хорошо! По-моему, явно прослеживается сходство нынешних публичных заверений в исключительном плохом качестве собственной жизни — с прежними заклинаниями, что жизнь прекрасна — дальше некуда. С той же яростью набрасываются на несогласных — как тогда, так и теперь...

И там, и тут видится мне не желание найти правду, не стремление разобраться в причинах — а затмевающая все ост-

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

ШЕПОТ ВРЕМЕНИ

тальные мысли страсть доказать собственную исключительность. Не вышло стать лучшими в мире — давай все силы положим, чтобы прокричать как можно громче о наших горестях. Наши беды — самые бедственные в мире... На всё готовы, лишь бы не считаться такими, как все.

А чем, собственно, плохо быть как все? Общество наше, кажется мне, в основном утратило естественное во всем мире желание жить **НОРМАЛЬНОЙ** жизнью. Слово это «норма» стало чуть не ругательным. Но ведь нет в нем ничего унижающего, оскорбительного. Зато нет и оттенка исключительности; нет азартного желания выделиться из общего ряда — вот, мол, мы какие, не вам чета! Нету нам равных, нету подбных...

Грустно все это. Какая-то болезненность чувствуется здесь, истеричность. А ведь жизнь дана человеку не для того, чтобы особенностями личными кичиться. Жить надо достойно — но какое же достоинство обретишь в истерической суете? Отчаянной борьбой за право считаться исключительным хоть в чем-либо ни добра не наживешь, ни порядка не наведешь... Без этого же, без минимального хотя бы достатка и общественного спокойствия — какая жизнь!

Впору ждать нового поэта, чтобы он написал «Кому на Руси жить невозможно». Ответ, чувствую, искать долго не придется, хоть в первой строфе пиши: всем...

Так неужели не остановится этот маятник, раскачивающий мнения людские из стороны в сторону? Неужели недостанет у нас сил понять, что никакая исключительность не обеспечит нам сносной жизни? Что только собственными усилиями можно наладить наше существование? Простые вроде бы истины... Но ведь простое, к сожалению, нередко труднее воспринимается, чем сложное. Время между тем выбора не дает. Того и гляди, знаменитый вопрос будет звучать и так: «Кому на Руси жить?»...

Сергей АЛАНОВ.

Не удивляйтесь, пожалуйста, что снимок на соседней странице — далеко не высшего качества. В этом ни редакция, ни типография не виноваты. Время...

Попала к нам эта фотография по почте. В конверте, кроме неё, еще письмо было. «Высылаем вам фотографию, которую мы обнаружили в нашем доме. Мы — молодая семья, совсем недавно переехали на улицу, которая раньше называлась Нагорной. Судя по снимку, он сделан примерно в тридцатые годы. Это для нас уже история. Может быть, стоит напечатать его, и мы узнаем о людях на фотографии что-нибудь? Вдруг кто-нибудь из них откликнется. А просто уничтожить снимок не поднялась рука. С уважением читателя». И ни адреса, ни фамилии...

Как это здорово, дорогие наши молодые читатели с улицы Нагорной, что пожалели вы «просто уничтожить снимок». Потому что в нем — и в других таких же фотографиях — сохранился для нас кусочек атмосферы того времени. А значит, кусочек жизни нашего общества. Нашей с вами жизни. Ведь, даже и беря во внимание новые, только что ставшие известными сведения о том времени, — что до нас оттуда дошло? В общем-то, достаточно ограниченный круг людей, относительно небольшой перечень событий... То есть потомки слышат, так сказать, только гром времени, самые шумные отзвуки бывшей когда-то жизни. А такие вот, как эта, пожелтевшие, рассыпающиеся в руках, но все еще хранящие изображение фотографии несут в себе шепот времени.

Вглядимся в снимок. Сняты, по всей вероятности, рабочие. Фотограф оторвал их от дела: не то они мостовую бутили, не то еще чем занимались. Место, по-моему, — мост через Золотуху в створе нынешней улицы Урицкого. В руках у людей — у кого лопата, у кого молоток, у кого еще какой-то незамысловатый инструмент. Среди рабочих двое людей, одетых почище; один даже в галстуке. Начальство, видать. Тоже, выходит, фотограф и для них не в обыденку... За спинами рабочих, в правом углу снимка, девочки какие-то идут гурьбой.

Вглядываюсь в фотографию, оторваться не могу — хотя, казалось бы, что в ней? И пусть не узнаю никогда, кто здесь снят, когда и кем, все равно снимок этот дал мне что-то очень ценное, чего, кроме него, ничто не даст. Тот самый шепот времени.

Так что не выкидывайте, пожалуйста, старые фотографии! Если не трудно — присылайте к нам. Лучше бы, конечно, более или менее приличного качества. Хорошо, если сможете рассказать, кто и что на снимке. Оригинал, если он вам

нужен, обязательно вернем. А фотографию — напечатаем. Интересно ведь всем посмотреть, какие много лет назад люди жили. Как одевались. О чем думали...

Андрей САЛЬНИКОВ,
ответственный секретарь
журнала «Лад».

Чем живем-кормимся

ПЕЧАЛЬНАЯ ТАЙНА КАРТОШКИ

В один из первых дней декабря мне шепнули, что в магазине «Вологдагорплодоовощторга» по ул. Герцена, 94 продается картошка. Понятно, я занял очередь и побежал за сумкой. Простояв около часа. Цена 60 копеек за килограмм не пугала, хотя год тому назад я тут же покупал картошку за 11 копеек. В руки, как и прежде, давали по 10 килограммов, но я взял только пять.

И правильно сделал. Мелочь была картошка, к тому же облепленная мокрой землей. Лучше бы уж на рынке купить, пусть там и полтора рубля за кило дерут. Через три дня из моей сумки начали вылетать мушки — загнила магазинная картошка. Пришлось ее выбросить. Дай бог, полтора килограмма пошло в дело из купленных пяти.

Магазин тут ни в чем не повинен. Получил он этот товарец, неприятный и на взгляд, и на ощупь, и продал его нарасхват за считанные часы. А кто виноват-то?

И я пошел в областной агрокомитет, чтобы узнать: будет или не будет в продаже хоть такая-то картошка. В огром-

ном здании комитета мне сказали, что такие сведения можно получить у Риммы Николаевны Лукошиной в кабинете... № 433. Но симпатичная Римма Николаевна дать мне какие-либо цифры наотрез отказалась.

— Я человек маленький, только с разрешения начальства могу, — оправдывалась она.

Иду к начальнику. А тот отправил меня снова к Римме Николаевне, и та дала указание напарнице назвать мне цифры. Что же, раскрылась, наконец, картофельная тайна? Но оказалось, что сведения о запасах картофеля есть только на первое ноября. А сколько его продано и сгнило к началу декабря — неизвестно. И все же мне сказали:

— По 600 тонн картошки в месяц решено продавать сейчас в Вологде и Череповце через систему горплодоовощторгов, а больницы и детские сады будут обеспечены им до нового урожая по существующим нормам.

— Да, да, — подхватили женщины, — по 20 тонн картофеля в день должны продавать наши торги в Вологде и Череповце. (Подсчитайте, сколько будет на душу.)

Потом мне с большим трудом удалось выяснить, что в Череповце запасов картошки должно хватить для такой торговли до середины апреля, а в Вологде — до марта включительно.

— Изыскиваем возможности для покупки на стороне, — добавили мне. И я пошел двумя этажами ниже в кабинет № 203, где работают агрономы Л. К. Смирнова и М. М. Сверчков, отвечающие за выращивание картошки в колхозах и совхозах области. Здесь сведений не скрывали и за цифрами в шкафы не лезли.

— По 91 центнеру клубней на круг собрали наши хозяйства в этом году. Мало, конечно. В 1984 году, к примеру,

	СССР	США
Валовой сбор картофеля (среднегодовой), млн. т	31,4	15
Объем товарной продукции картофеля, млн. т	12	13,6
Объем розничной продажи картофеля, млн. т	8	12,5

(Журнал «Родина», № 4, 1990 г.)

с гектара в среднем получили по 141 центнеру, — рассказывали агрономы. — Ну, а в другие годы тоже в пределах ста центнеров получалось. И если бы накопили нынче по 130 — некуда бы клубни ссыпать было, сполна бы обеспечились.

— Но виды-то первоначальные были хорошие!

— Верно. Контрольные проверки показывали, что биологически урожай был заложен очень высокий, по 200 центнеров во многих хозяйствах могли бы собрать. Но вспомните, какими были август и сентябрь?

— Сплошь холодные дожди, — говорю.

— Вот и недобрали свое клубни в земле. Оттого и мелочь. Но там, где уборку завершили к середине сентября — там и урожай. Совхоз «Красавино» под Великим Устюгом — 149 цент-

Вот так выглядит поле весной. Свежевспаханное, ждет оно посева, обещает урожай. А вот каким его соберут осенью — зависит не столько от земли, сколько от тех, кто на ней работает. Нынче ожидания не оправдались. Как-то будет?

Фото Серафимы ГУСЕВОЙ

неров с гектара, сокольский совхоз «Архангельский» — 139, «Красная звезда» под Вологодой — 116. Остальные упривиться не успели.

— А гниет почему?

— От удущья, болезней...

— И от неправильного обращения с собранным урожаем. Клубни после копки должны бы 20 дней лежать в сухом месте и покое, чтобы окрепнуть, а у нас его сразу сыплют в железные кузова самосвалов, везут, трясут, на бетонные полы сыплют. Ключьями летит молодая кожура, крахмал брызжет из ран. С картофелем, между прочим, надо так же бережно обращаться, как с апельсинами.

— Как с женщинами,— добавил Михаил Михайлович. — Так один старый картофелевод говорил.

— А с семенами как? Ведь надо и о будущем думать.

— В этом году засадили 7190 гектаров. В будущем году собираются меньше. Тысяч на 6 гектаров семян хватит. Только качество плоховато, много некондиционных по болезням.

Но о семенах и многом другом у меня уже был разговор с первым заместителем генерального директора агрокомбината «Вологда» В. Л. Кужманом и главным агрономом В. Н. Никуличевым.

— Мы главные виновники,— заявил Владимир Лаврентьевич.— Ругают нас, что плохо занимаемся картошкой. Но одно дело вырастить ее на своих сотках и другое — на совхозном поле в сотни гектаров. Что хорошего накоплено в Вологодском районе? Стабильные, опытные картофелеводческие звенья, работающие на арендном подряде. Неплохая техника для посадки клубней: посевную можно проводить за 10—15 дней. Есть механизмы для обработки междурядий. Хватает органики и минералки. Копалки могут обеспечить уборку за 10 дней, если есть люди и позволяет погода. Хранилища есть.

— Чего же нам не хватает? Новых картофелеуборочных комбайнов, колесных тракторов.

— Для картофеля нужны легкие плодородные почвы, а под Вологодой они как раз тяжелые, требующие особого внимания и обработки. Но выращиваем основной картофель все же здесь, потому что потребитель — Вологда с его шешфской рабсидой — рядом.

— Не один год работал я,— продол-

жал В. Л. Кужман,— в Бабаевском районе. Там, а также в Чагоде, Устюжне, Кадуе — почвы для картофеля гораздо более подходящие. Там бы и выращивать основную массу картошки. Но считают, что это далеко и базы хранения там нет. Между тем в США в последние десятилетия — раньше у них с картошкой тоже было не блестяще — сосредоточили картофельные плантации в трех-четыре штатах из пятидесяти и отлично обеспечивают всю страну. Вот вам и фермерская свобода. Там тоже планируют и распоряжаются сверху. Материально заинтересовывая, конечно. И подняли урожай в два раза.

— Но самое неприятное — провал в семеноводстве. Наш НИИ лугопастбищного и молочного хозяйства, Молочный институт из рук вон плохо ведут это дело. Если новыми сортами зерновых нас снабжает Скандинавия, то семенных клубней взять негде. Новых перспективных сортов. Да, выращивают и у нас в Куркине и госплемзаводе «Молочное» элиту и суперэлику. Но и этот бесценный, вроде бы, фонд уже изначально заражен фитотфторой, бывает, на 10, а то и 15 процентов. Дело дошло до того, что, не надеясь на нашу науку, совхоз «Майский» сам создал лабораторию по выращиванию первичного сортового материала безвирусным или верхушечным методом меристемы. Но ведь для выращивания его надо четыре года! А потом и его можем заразить, потому что карантинный режим не соблюдается.

А ведь были и лучшие времена. В 1973 году в Вологодском районе было получено по 182 центнера картофеля с гектара, а в 1971-м — по 193. А нынче — только по 78. Правда, многие считают, что с полей взяли только половину урожая. Считают, что город не помог. И оттого в предварительных планах совхозов района посадить картофель только на 960 гектарах, тогда как нынче его вырастили на 2110. Всерьез намерены уменьшить посадки и хозяйства агрокомбината «Череповец».

Правда, в агрокомитете мне сказали, что ведутся переговоры между селом и городом как в Вологде, так и в Череповце, показали образцы-варианты предлагаемых новых договоров между производителями картофеля и его потребителями. Но это еще только первые попытки для сближения обеих сторон.

Владимир СТЕПАНОВ.

КАК БУДТО ВЕТЕР...

Николай Михайлович РУБЦОВ

3 января 1936 года — 19 января 1974 года

Январь — рубцовский месяц.

Можно было бы по случаю круглой даты поместить в журнале воспоминания людей, знавших поэта. Или статью критическую — посOLIDнее. Словом, привычно отметить юбилей знаменитого земляка.

Но делать этого мы не стали, и вот почему. Николай Рубцов из нашего времени воспринимается уже совсем не так, как двадцать лет назад. Как в то время, когда носил он свои стихи из редакции в редакцию, когда был для большинства окружающих Колей — своим парнем... В обширной литературе о нем и его творчестве (она, кстати, уже гораздо больше, чем все, что Рубцов написал) наметились две тенденции. Для одних он по-прежнему как бы приятель, и нынешняя слава — только подтверждение давнего мнения автора («Я же еще тогда говорил...»). Другие, напротив, стараются всячески отделиться от личности, хоть камушек дополнительный подложить под пьедестал классика, пророка, борца. Теперь ведь можно, Рубцов ни словом не оп-

ПОЭЗИЯ

ротестует... Оба эти взгляда, вероятно, имеют право на существование, — не с одним Рубцовым так поступают. Но в первом номере нашего журнала нам не хотелось бы навязывать читателям никакого мнения. Пусть люди сами прочитают — кто впервые, кто в который уже раз — его стихи. В них есть все, что хотел он сказать. О себе, о жизни, о нас с вами.

Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть, за труд и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках пронесил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пень и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнушем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная доистра,
И лодка моя на речной догнывает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей,—
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти дойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

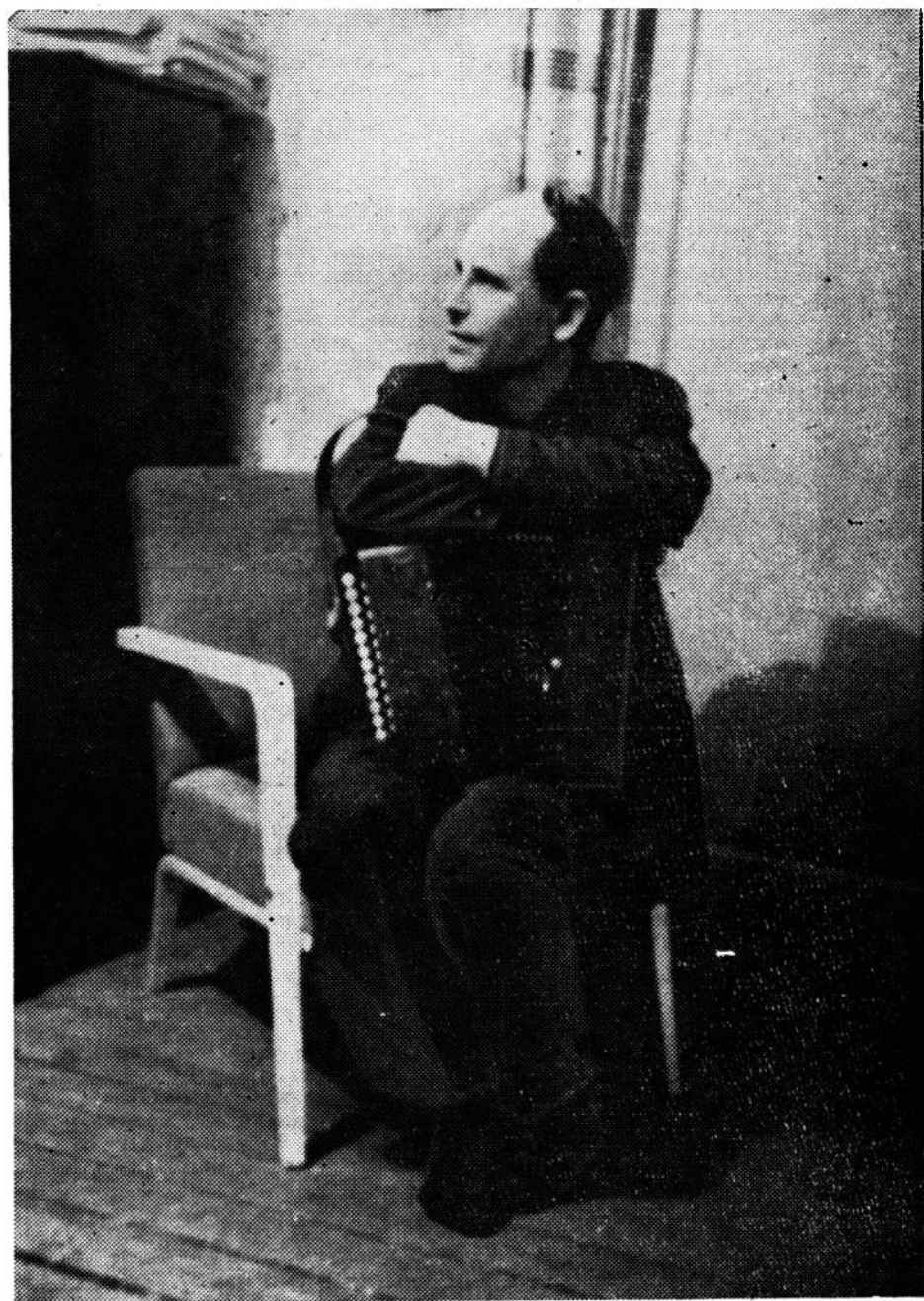
И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей!..

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...
Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,

Добрый Филя живет.
Филя любит скотину.
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя, что молчаливый?
— А о чем говорить?

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.—
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую глгучую,
Самую смертную связь.

* * *

Стихи из дома гонят нас.
Как будто ветер воет, воет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!
Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покой?
А утром солнышко взойдет—
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?

Вот так поэзия, она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна...
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое.
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь во дворике глухом,
Встречают солнце взрослые и дети,—
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

ЦВЕТЫ

По утрам, умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я:— А как назывались?—
И мерещилось мне многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались — «анютины глазки».

ВЕЧЕРНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Мне лошадь встретилась в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жулко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил — признаюсь вам —
С одною мыслью к домощадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных —
не встречаться!

О вере сейчас много говорят и пишут. Но этот раздел нашего журнала — не дань моде. Отдавая постоянное место материалам, подготовленным священниками Вологодской епархии, мы хотим помочь читателям — и верующим, и тем, кто только интересуется православием. Надеемся, что и те, и другие найдут здесь немало такого, что придется им по душе. Напишите нам, пожалуйста, нужен ли, по-вашему, такой раздел; как его лучше построить.

О РЕЛИГИИ

О религии в жизни людей в настоящее время сказано очень много. И вот, чтобы не топтаться у ее порога, чтобы не повторяться в своих рассуждениях, самое подходящее сейчас — это вступить в таинственную сферу религии. Где же ее начало? Бог и человек, отношения между ними — вот это и есть то, что мы называем религией. Нет Бога — нет и религии; нет человека — и религии нет. Было ли время, когда религии не было? Нет, такого времени не было. Как только Бог сотворил человека, сразу же между ними установилась живая и взаимная связь, в которой Бог нисходит к человеку, а человек восходит к Богу. Бог сотворил человека по образу Своему, и образ этот, это божественное начало постоянно действует в человеке, то побуждая в нем чувство неудовольствия собой, то побуждая его искать чего-то возвышенного. Здесь-то и зарождается религиозная жизнь, и чувства эти знакомы каждому, как бы сознание человека не было изуродовано атеистическим воспитанием. Все силы человеческой души религиозны, и все они созданы для совершенства.

Ждем ваших откликов!
Ведет раздел настоятель Успенской церкви в Белозерске, священник **Виталий ОСИПОВ**. Отцу Виталию 35 лет, после окончания Одесской духовной семинарии с 1983 года служит в различных приходах России: сначала в Астрахани, затем в Устюжне, вот уже три года живет в Белозерске. Воспитывает двоих детей. Учится в Московской духовной академии.

Действительно, много ли человеку требуется знаний, чтобы безбедно прожить? Достаточно среднего образования, а раньше и без него обходились. Но человек стремится к знаниям все большим, человек ищет совершенной мудрости. Много ли надо нравственности для того, чтобы хорошо жить? Достаточно быть просто покладистым малым, не раздражать начальство, не досаждать подчиненным. Но человеку этого мало, он жаждет высшей справедливости, и поиск этот часто лишает его житейского благополучия, иногда свободы, а то и жизни. Но в стремлении к идеалу ничто не останавливает человека.

Есть ли человек с живой душой, который не предчувствовал бы существование абсолютной правды, совершенной истины и идеальной красоты? Есть ли человек, который не томился бы сознанием бесконечной удаленности от этих совершенств? В этих вулканических глубинах человеческой души и полагается начало нашей веры. Активный религиозной жизнью такие стремления становятся тогда, когда они направлены не просто в никуда, а фокусируются в одной точке. И точкой этой является Предвечный, Премудрый, Всеправедный и Преподобный Творец Вселенной и всякого бытия. Именно Он является живым источником и истины, и правды, и кра-

соты. В Нем и только в Нем душа находит успокоение, ибо ничто ограниченное, ничто временное, ничто совершенное не в состоянии ее удовлетворить. В этом постоянном стремлении ограниченного к безусловному, временного к вечному, человеческого к божественному и заключена тайна не только религиозной жизни, но и всего человеческого бытия. И горе человеку, если он не прислушивается к этим глубинным позывам своей души; его ожидает жизнь без Бога, без идеала, без цели, без развития и смысла.

Трагичность этого понятна всем, и многих она беспокоит всеерьез; но чувство гордости, самолюбия или просто неведение подталкивают человека искать всего этого вне Бога. Человек сам создает себе идеалы, придумывает себе цели, говорит о неких общечеловеческих ценностях, но поскольку сам он несовершенен, поскольку сам он далек от идеала, то все произведения его деятельности всегда отмечены печатью и неидеальности, и несовершенства.

Нет идеала — нет развития, нет движения к совершенствованию, и духовный рост человека прекращается. В жизни это выглядит очень уродливо. Когда единственным критерием истины человек считает только себя, то все окружающие его только раздражают — кто своим невежеством, кто превосходством. Вспомните прокрустово ложе. Признаться в этом, естественно, как-то неловко, и вот лозунг: «Человек — это звучит гордо!» Но здесь и заключается уловка сатаны; как только мы провозгласим этот лозунг, так сразу же развитие наше останавливается, а жизнь идет мимо нас, и в семьдесят лет мы остаемся такими же, как и в семнадцать. Духом, имеется в виду. А потом удивляемся: и почему же это нас никто не уважает?

А за что, собственно, уважают старость? Наверное, за мудрость ума, за сердце, наполненное великодушием. Все эти дарования посылаются человеку за напряженное и сознательное в течение всей жизни стремление к совершенству.

МОЛИТВА К БОГУ СУПРУГА-ХРИСТИАНИНА

Всеблагий и многомилостивый Творец и Промыслитель мой! Не по грехам моим Ты поступаешь со мною, но по милосердию Твоему благодетельствуешь мне, так что я не знаю числа благодарениям Твоим! Руководствуя меня всеблагим промыслом, по неизреченной своей милости, Ты направил ко благу степенные пути мои и привел меня в состояние супружества, которое, освятив своею благодатью, возвысил на высокую степень святого таинства. Вечно буду превозносить милость Твою ко мне, недостойнейшему созданию Твоему, в роде и в род не перестану возмещать излинные на меня Твоими щедротами благодарения! Скитаясь среди мира, я сам был причиною вздыханий моих, исторгавшихся из груди моей от того, что все приобретения мои, плоды трудов моих уподоблялись имуществу, не имеющему ограды, брошенному на расхищение. Казалось даже, что никто мне не верил, как человеку

бездомному, обитающему там, где ночь достигнет его. Волнуемый такими мыслями, и при том сознавая, что мне не дано свыше посвятить себя всецело преуспеянию благодатного царства и благу человечества в безбрачном состоянии, я обратился к Тебе, благодать вечная, с пламенной молитвою; просил, чтобы Ты указал мне путь временной жизни моей, и, по устроению всеблагого Твоего промысла, я встретил подругу для земного странничества моего; Церковь Твоя благословила мой союз с нею, и я обрел в своей супруге истинного помощника в делах моих, нашел как бы пристанище для своего успокоения, положил основание временным моим стяжаниям.

Благословен всеблагий о мне промысел Твой, Боже спасения моего! Благословенно всесвятое имя Твое в роды и роды! Не отнимай же от меня, Господи, милости твоей, и в предлежащем течении настоящей жизни моей умудри

провести ее в супружеском состоянии сообразно с законом Твоим, наставь меня благоразумно обращаться с моею женою как с слабейшим сосудом, оказывать ей уважение как сонаследнице животворной благодати Твоей, быть ей признательным за усердные, добрые советы ее, любить ее как собственное тело мое, как Ты возлюбил Церковь свою, которую очистил святым крещением, освятил словом своим, соделав ее славною и беспорочною! Но не допускай, Спасителю, сердца моего до безумного пристрастия к супруге моей, до порабощения ее прихотям! Удержи меня от безрассудного ей угождения, которое дерзнуло бы отвлекать меня от исполнения закона Твоего, так что я не старался бы благоугождать Тебе, Богу моему, перестал, хотя на одно мгновение, заботиться о душевном спасении моем! Вместе с сим умудри меня, Господи, отвращать супругу мою от греховных поползновений и суетности, терпеливо сносить ее раздражительность, снисходить к ее слабостям, с кротостью

исправлять ее ошибки, благодушно покрывать ее недостатки, не огорчать ее моим безрассудным поведением, не оскорблять незаслуженными ея укоризнами, немедленно примиряться с нею по причинению ей какого-либо огорчения, помнить, что на земле ни в ком нет совершенства, что я сам подвержен многим заблуждениям и слабостям, требующим ее снисхождения и терпения. Наставь меня руководствовать ее в делах веры и благочестия, изливать единокорные с нею перед Тобою молитвы, совокупно превозносить благость Твою, благодарить премилосердное Твое о нас промышление, совместно как бы одними устами и одним сердцем прославлять всесвятое и великолепное имя Твое. Умудри меня, Спасителю, принимать искреннее, растворенное страхом твоим, участие в скорбях, горестях и болезнях супруги моей, разделять все страдания и печали ее, обращаться с нею так, чтобы, не преступая меры благоразумия, я мог быть достойным полного ее доверия, чтобы она считала меня искренней-

шим другом своим, чтобы между нами царствовала совершенная откровенность, чтобы у нас не было таких тайн, которые открыть друг другу удержал бы нас страх или стыд, чтобы мы не сомневались в чистоте совести своей, и удержи нас от таких поступков, которые, произведя взаимное между нами отвращение, довели бы нас до того, чтобы мы стали чуждаться друг друга! О Боже спасения моего! Укрепи нас к благодушному перенесению всех горестей и бедствий, которые благодать Твоя ниспослет нам для вечного нашего спасения; устрой Твоим промыслом; да здравствует в доме нашем страх Твой и благоговение к закону Твоему; наставь меня так управлять семейством моим, чтобы власть моя никому не причиняла обиды и огорчения, но была бы источником порядка и довольства семейного; удали от дома моего всякое беззаконие, клевету и зависть человеческую, да не отравят ссоры и прекословие домашнее семейное спокойствие, да бегут от нас пересуды и злословие; водвори между нами мир Твой и благодать к избежанию всего того, что может нарушить его, не лишай нас Твоей помощи во всех обстоятельствах жизни нашей, укрепляй силы наши в трудах и занятиях, подкрепляй в болезнях, призывай нас во всякое время Твоим благоволением, не отвергай в скорби наших воздыханий, принимай приносимые тебе нами моления, будь щитом нашим в злключениях и прибежищем нашим во дни печали, даруй нам согласие в мыслях и нравах, единодушие в чувствах и желаниях, и содейлай союз наш постоянным, твердым, неизменным. Удали от нас всякое друг на друга подозрение, да не источит сердца нашего червь безумной ревности, не допускай нас ни к каким раздорам и переборам; но сотвори, да будет общим у нас все, что ни пошлет нам Твое провидение: скорбь или радость, злключения или счастье, бесславие или слава — во всем да будет с нами святая воля Твоя!

Боже и Отче всех тварей! Научи меня воспитать детей, даруемых мне Твоей благодатью, сообразно со всеястою Твоей волею, и содействуй мне Твоей благодатью в исполнении сей главной моей обязанности! Умудри подчинить детей моих с самого их младенчества благому игу уставов Твоих, причудить их

охотно несть легкое бремя закона Твоего, искать Тебя всем сердцем и всею душою, постоянно держаться добродетели и правды Твоей, во все дни жизни своей уповать на имя Твое! Наставь меня предостеречь их от путей беззакония, удержай их от своеволия и грехопадения; чтобы не стояли они ни в одном худом деле, уклонялись от распутий порока и устранились от дурных содружеств. Даруй мне благодать внушить в ум и сердце их, что Ты Бог ревнитель, не терпящий беззакония, ненавидящий преступников закона Твоего, да во всю жизнь свою боятся они суда Твоего, да возлюбят Тебя сыновнею любовью и да служат Тебе в чистоте и искренности сердца. Если же они согрешат пред Тобою, поразити, приведи в сокрушение сердца их, исхити из рабства греховного, направь на путь спасения Твоего и будь их помощником в нуждах, скудностях и бедствиях.

Призывай на них с высоты жилища Твоего, ограждай Твоим промыслом, охраняй Твоей милостью, осеняй Твоим благоволением: да снидет и почует на главе их благословение Твое, да возрастают они в чувстве вездеприсутствия Твоего, как масличные растения в юношеской свежести, и приносят плоды, благоугодные Тебе!

Благослови же, Отче всего живущего! Мои усилия и труды наставников в образовании детей моих, благослови их на всякое доброе дело, укажи им путь жизни, благоугодной Тебе, распали их сердце ревностнейшею любовью своих обязанностей: да будут во всякое время готовы пролить кровь свою в защиту Православной Церкви, поставленного Тобою Правящего Дома и во благо земного Отечества своего, да славится пресвятое имя Твое, Боже, в жизни и в смерти детей моих; руководи их Твоею благодатью к их назначению, не посылай ни бедности, ни богатства, но не лишай их земных благ Твоих, необходимых для временной жизни, а паче всего удостой их небесного Твоего царствия! Да не постигнет меня суд твой за небрежность мою в их воспитании; но да покроет меня и их вечное милосердие Твое, да совокупно с ними прославляю человеколюбие Твое, Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

„СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ ЧЕЛОВЕК“

Половиной надзиратель называл Оленьку Чугрееву. А ее маму, папу и еще пятерых, что сидели в камере рядом, обозначал как целых людей. По утрам пересчитывал: один, два, три, четыре... Когда же доходил до Оленьки, то всякий раз словно бы заново удивлялся ее присутствию, малому росту и выносил решение: половина тоже на месте.

Впрочем, Оленька могла бы остаться дома — начальство не возражало. Но Чугреевы сами не захотели расставаться с дочкой. Знали: не вынесет Оленька разлуки, истает от тоски и слез.

Было это в 1933 году. Чугреевых раскулачили и гнали по этапу из Тарногского района в Архангельскую область. На муку и смерть. Что умрут — в этом Чугреевы не сомневались, не они первые прокладывали печальный путь в дальнюю северную сторону, и многие ли оттуда вернулись?

Однако Ольга выжила. Теперь она — Ольга Всеволодовна Листикова, живет в Ярославле. Но на родину приезжает. Тянет, да и хлопоты одолели.

— Жили мы в деревне Зацепинская Верхнеспасского сельсовета Тарногского района. Семья большая, дружная. И дом у нас стоял хороший. Пятистенок на две стороны, при нем двор, сеновал, амбары, гумно, конюшня, баня. Даже ясли имелись с печечкой, там коровушки телились. Коров держали шесть, а еще двух лошадей, двенадцать овец, поросят, кур.

Но ведь как долго наживали-то!

Маленькая была, а помню. Отец Всеволод Иванович был замечательным плотником. Прежде чем свое строительство затевать, он несколько лет по округе ходил, избы чужим людям ставил, деньги зарабатывал.

Но ничего, и мы достроились. В новом доме нас поселилось восемь человек. Дедушка, бабушка, папа, мама, я, моя сестра и папины брат с сестрой. Всем места хватало. И все, конечно, работали от зари до зари. *

А тут как раз о колхозах заговорили. Не знали мы, что это такое, но и не боялись: хорошие работники везде нужны. Кабы ведать... Прибежали весной к деду братья Машьяновы, они в активистах числились, но в своем хозяйстве лентяйничали и вечно побирались. И опять просят: дай, Иван Александрович, зерна, а то сеять нечего, Дед и послал их в амбар: берите, мол, сколько надо. Братья увидели много зерна и мигом в сельсовет: раскулачивать надо Чугреевых.

Явились к нам сельсоветчики, сказали, что мы мироеды, что имущества у нас слишком много, его сейчас отнимут, а нас из дома выгонят.

Так и сделали. Скотину увели в колхоз. Вещи покидали на телеги и увезли. Даже наши с сестрой фартучки забрали. Потом устроили торги. Спасибо соседу, он за 20 рублей купил нашу скотнюху — те ясли, где коровы телились, и отдал нам. Поселились.

ГОДЫ И СУДЬБЫ

Люди-то умные подсказывали, что лучше бы совсем из деревни уехать, но отец оторваться от земли боялся. Правда, его брат и сестра успели убежать. А тятеньку и маменьку Харитину Федоровну вскорости арестовали и увезли. Остались мы с дедом и бабушкой Ольгой Михайловной.

Через некоторое время узнали, что отца с матерью поведут на суд через нашу деревню. Мы около дороги уселись и стали ждать. Видим — ведут. Я подбежала к папке, обхватила его, закричала, сознание потеряла. Отец меня на руки поднял, в себя привел и сказал: «Ну, Ольга, вместе жили, вместе и помирать будем».

В Тарноге до суда в тюрьме находились. Надзиратель меня половиной-то там и назвал. Потом я, шестилетняя, на скамье подсудимых сидела. Присудили нам высылку в село Черевково Архангельской области. Но мама ждала ребенка, и нас с нею на время отпустили домой, в Зацепинскую. А отца в Вологду отправили.

Мама родила девочку, назвали Валей. Через два месяца мы тоже тронулись в дорогу. Зима была лютая, а мы — от деревни к деревне, когда на лошадах, когда пешком. Сестренка простудилась и умерла. Отец при встрече спросил: «Где же Валюшка-то?» И заплакал.

В те времена в Вологде таких, как мы, лишенцев, было много. Нас собрали в какую-то церковь, пересчитали, записали, погрузили на паром и повезли в сторону Архангельска. На пароходе я была единственным ребенком.

В Черевкове нашу семью поселили к сердитой и бедной вдове и ее сыну-пьянице. Маменька их очень боялась, даже к столу не подходила. Лавочку полотенцем застелит и покормит меня. Если было чем... Мать работала на стройке, в людях убиралась, но денег ей давали мало, а отец болел.

Чтобы с голоду не умереть, собирали милостыню. Идем, бывало, от дома к дому, а нас гонят, собаками травят. Отец умер. Мама очень убивалась, повеситься хотела, но меня пожалела.

Однако срок кончился, нам разрешили возвращаться домой. Денег на билет не было, двинулись пешком: напрямки, через леса, к себе в район. И пришли мы к родной деревне.

А дома было так. Сестра моя Анто-

нина служила в няньках, дед рыбачил, бабушка побиралась. Вскоре дед от холодной воды простудился и умер. А бабушку, когда она шла за милостыней в соседнее село, сшиб лошадью председатель сельсовета Пестерев. Бабушка упала, а он даже не остановился. Бабушка умерла.

Брат отца Константин где-то скрывался, его не нашли. А тете Валентине не повезло. Ее арестовали. Показали решение суда: три года тюрьмы и пять — высылки. А суда-то никакого и не было. Тетя отправила письмо Михаилу Ивановичу Калинин. И уж не знаем, что тут помогло, но только выпустили мою тетку раньше срока. Было это в Томской тюрьме. Как Валентина Ивановна добиралась домой, отдельная история. Но горя хлебнула — выше головы.

Однако вернусь к своим бедам. Когда умерли мои дед и бабушка, я уже училась в школе. В 1943 году закончила семь классов и уехала в Тарногу, устроилась телефонисткой. А сестра вышла замуж за инвалида Великой Отечественной войны. Родила четверых сыновей. Жили они все в той же скотнوخе, и мама с ними.

Что же касается нашего дома, то часть его перевезли на центральную усадьбу колхоза и приспособили под школу. А в оставшейся половине жил один из братьев Машьяновых — Максимилиан. В конце пятидесятых годов деревню Зацепинскую признали перспективной, и некоторым жителям, в том числе и этому Машьянову, дали квартиру в другом месте. Сестра моя Антонина Всеволодовна Ерофеева дом у Машьянова выкупила. Слава Богу, цену Максимилиан запросил не очень большую.

Ну, а я впоследствии перебралась в Ярославль, вышла замуж. Работала. Была пусть и на небольшой, но руководящей должности. И всю-то жизнь боялась. Особенно просчетов по службе. Вдруг подумают, что я, когда-то раскулаченная, специально на вред делаю. Это ведь чудо, что никого из Чугреевых впоследствии, как многих других, снова не арестовали, не посадили.

О чем нынче хлопочу? Да вот задумали мы с Антониной и теткой Валентиной Ивановной просить Верхне-спасский сельский Совет отдать или хотя бы продать нам здание, где рань-

ше располагалась школа. Ведь это бывший родительский дом. Пусть стоит он уже в другом месте, но стены-то прежние, они из бревен сделаны, которые дедушка и мой отец сделали, строгаи. Дом, конечно, обветшал, но для нас — он память, родное. Нас, из рода Чугреевых, немало еще осталось, мы бы домик поправили, крышу новую сделали, я бы внуков туда привозила, пусть знают, где их родичи жили.

Тем более что вышел недавно Указ Президента Союза ССР о восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов. Репрессии, проводившиеся в отношении крестьян, признаны незаконными. Я даже слышала, что нам положены какие-то компенсации, льготы. Хорошо бы.

Однако понятно: государство наше сейчас в такой беде, что грех с него деньги требовать. Нас, раскулаченных, ох, много было: тысячи, миллионы. И у каждой семьи тоже, наверное, пятистенки стояли, амбары, бани, скотина имела. Разве можно столько средств собрать, чтобы за все рассчитаться?

Но домик-то, никому теперь ненужный, можно отдать?

Можно, сказали мне, если мы докажем, что он принадлежал нам. Но посмотрите, какой документ я получила из Вологодской областной прокуратуры:

«Уважаемая Ольга Всеволодовна! Сообщаю, что в связи с Вашим заявлением, поступившим из Вологодского облисполкома, проведена проверка.

УКГБ СССР по Вологодской области и информцентр УВД Вологодского облисполкома сведениями о судимости Ваших родных Чугреевых Ивана Александровича, Всеволода Ивановича и Харитины Федоровны не располагают.

В Государственном архиве Вологодской области материалов об обстоятельствах высылки, изъятия дома и имущества, принадлежавших Вашей семье, не имеется.

По сообщению прокуратуры Тарногского района дом в д. Денисовская находится на балансе Верхне-Спасского сельсовета, однако данные об обстоятельствах его передачи сельсовету отсутствуют.

Прокурор области Л. В. Сермягин».

Как же это получается? На нас, Чугреевых, и документов никаких нет, И зря, выходит, мы всю жизнь от страха тряслись, убеждали, что не вредители, не мироеды. А теперь что, надо доказывать обратное — были раскулаченные, сидели, высылались?

За что, Господи? Ведь мы еще живы. Сестра моя Антонина Всеволодовна Ерофеева из родных мест никуда даже не уезжала. И люди, которые знали, видели, что с нами сотворили, тоже живы. Они готовы все подтвердить, и про домик तो сказать, что чугреевский он, их руками сделанный. Неужели опять нам не поверят?

И многого ли мы за наши муки просим?

Записала Серафима ВЕСЕЛОВА.

Человек — существо общественное. Так говорили древние мудрецы. К сожалению, в нашем насквозь обобществленном государстве мы все чаще сталкиваемся со стихийным отрицанием тезиса мудрых. Мы не умеем вести себя в обществе, не думаем о том, как правильно относиться к ближним. Что делать, чтобы не затруднять

Личное мнение

ВСЕГО-ТО ПОЛШАГА...

Не знаю, как в Череповце, а в Вологде пройтись по улице не всегда приятно. Почему, спросите? Да вовсе не потому, что народу в областном центре с каждым годом все больше. От этого даже интереснее становится. А как же, новые люди...

И то ли эти новые привнесли в поведение вологжан на улицах некий элемент агрессивности или напористости, то ли сами горожане, издавна славившиеся своей доброжелательностью (как и старые коренные ленинградцы), в чем-то переменялись в усложнившейся нашей жизни, но факт остается фактом. На улицах уже трудно сохранить не только душевный комфорт, но и обыкновенную уравновешенность.

Да в чем причина-то, опять зададитесь Вы вопросом? А в том, что перестали вологжане уступать друг другу дорогу. Грубо говоря, так и прут на Вас грудью, будь Вы старик, инвалид или ребенок. И полшага в сторону не сделают, даже если свободного пространства слева и справа предостаточно.

Что это? Желание показать, что он, встречный, не хуже Вас? Этакое самоутверждение не умеющего сочувствовать другому, может быть, очень мно-

жизнь себе и другим, а облегчать ее — добротой, заботой.

Хорошими манерами...

В этом разделе нашего журнала мы хотим помочь нашим читателям научиться правильно себя вести. Будем публиковать здесь и правила этикета, и размышления публицистов, и советы психотерапевтов, и житейские истории.

гими уважаемому земляку? Недостаточная воспитанность? Раздражение от всевозможных дефицитов? А, наверное, все это разом тут переплелось и разом действует. Вот и мечется воспитанный человек в людном месте, уступая дорогу одному, другому, пятому, десятому. А встречные, устремляющиеся по своим делам, его и взглядом не удостоят. Словно ничего не видят и не понимают.

Да полно! Все видят и понимают. Только пример взять с уступившего им дорогу из ложного стыда не желают.

Откроет такой воспитанный дверь, скажем, в магазин и будет стоять и минуту, и две, и три, глядя, как шука-ми ныряют в эти двери люди туда и сюда. Все проходящие понимают этого

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

человека, придерживающего дверь открытой для них, но редко кто пропустит его самого. Грустно видеть такое.

Понаблюдав за подобными сценами, я пришел к выводу, что юноша, натолкнувшись на Вас, дернется и отскочит в сторону, не изменив выражения лица. Мужчины и женщины средних лет идут осмотрительно и как-то, не отступая, умеют ни с кем не сталкиваться. Они все видят и, видимо, интуитивно выбирают правильный курс. Покорными судьбе выглядят старички и старушки, они пережидают или пробираются вперед с великими предосторожностями. А вот девушки могут и столкнуться с Вами на вполне свободном пространстве или вильнуть в сторону в самый последний момент и при этом обязательно одарят Вас брезгливой гримаской. Красиво ли это, девушки.

И еще у некоторых есть привычка ходить по тротуарам шеренгами, взяв друг друга под ручку. Так любят ходить подружки или с виду благополучные семейства. (Мужчины, парни, ребята так никогда не ходят.) Встретитесь с такой «шеренгой» — не уступит она Вам ни пяди дороги, будто и не существуете Вы для них на Земле, и поневоле шагнешь от нее в крапиву, в сугроб или в грязную лужу. У «шеренги» самочувствие превосходное. А у Вас, попятившихся от нее? Так зачем же мы портим друг другу настроение?

А вот и предлагаемый выход из таких положений. Сделайте перед встречным полшага в сторону, и Вы сами почувствуете, что становитесь немножко лучше, культурнее, человечнее. При этом взглянуть в лицо ему можно с подчеркнутым уважением. И пусть этот встречный не сделает такого же полшага в другую сторону, пусть пройдет с каменным лицом, задев Вас плечом. Знайте, что и он уже задумался, ему уже неловко за себя. И, пожалуй, следующему человеку, повстречавшемуся ему, он сам уступит дорогу. (Каждому ведь хочется чувствовать себя человеком!) И будет он доволен собой, как всякий, снявший с души большой или маленький камень.

Кстати, в наших районных центрах, тем более в деревнях, дорогу Вам уступит каждый.

Владимир ВАНИН.

Вспомним былое

„ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО“

Так называется книжка, изданная в Санкт-Петербурге в 1717 году. Есть у нее и другое название — «Показание к житейскому обхождению». Здесь собраны правила поведения в обществе. Рассчитана книга на молодых людей того времени. Но советы, содержащиеся в ней, и сегодня вполне могут быть полезны.

* * *

Отрок должен быть весьма учтив и вежлив, как в словах, так и в делах: на руку не дерзок и не драчлив, также имеет оной встретившего на три шага не дошед, и шляпу приятным образом сняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять. Ибо вежливую быть на словах, а шляпу в руках держать не убыточно, а похвалы достойно. И лучше, когда про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого, что он есть спесивый болван.

* * *

Когда им (отрокам) говорить с людьми, то должно им благочинно, учтиво, разумно, а не много говорить, потом слушать, и других речи не перебивать, но дать все выговорить, и потом мнение свое, что достойно, предъявить. Ежели случится дело и речь печальная, то надлежит при таких быть печально и иметь сожалению. В радостном случае быть радостну и являть себя всегда веселым с веселыми. А в прямом деле и постоянном быть постоянну, и других людей рассудков отнюдь не презирать и не отменять, но ежели чье мнение достойно и годно, то похвалить и в том соглашаться. Ежели же которое сумнительно, в том себя оговорить, что в том ему рассуждать недостойно. А ежели в чем опспорить можно, то учинить с вежливостью и вежливыми словами.

* * *

Когда с кем случится говорить, то должны они (отроки) с тою персоною учтиво и прилежно говорить, не притворять себя так, якобы неохотно кого хотят слышать и тем более задом на людей косо взглядывать, но прямо, а не согнувшись, ступать и голову держать прямо, а на людей глядеть весело и приятно с благообразным постоянством, чтоб не сказали: он лукаво на людей смотрит.

* * *

Стыдливая (засорная) девица не токмо в лице краснеет, но и стыдливые имеет уши, устрашится, когда что бесстыдное слово услышит, яко легкомысленные, нескусные издевки и скверные песни. Сушая девица потупит лицо свое, яко бы она того не разумеет, и восстав отходит далее. А которая смеется, и к тому помогает, такая не лучше иных.

Непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегаёт по причинным местам и улицам, разиня пазухи, садится к другим молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смирно не сидит, но поет блудные песни, веселится и напивается пьяна, скачет по столам и скамьям, даёт себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва, ибо где нет стыда, там и смирение не является. О сем вопрошая, говорит избранная Лукреция по правде: ежели которая девица теряет стыд и честь, то что у ней остаться может.

Советует врач

ДАВАЙТЕ УСПОКОИМСЯ.

Недавно на прием ко мне пришла женщина. В тот день стояла она в очереди за курицами. Два с половиной часа! И как раз перед ней товар закончился. «Понимаете, доктор,— рассказывала мне женщина,— пока шла торговля, продавец несколько раз отходил. Очередь это, естественно, волновало; и когда объявили, что курицы кончаются, все зашумели: «Так она с собой их уносила! Каждый раз по две штуки, точно!» Но я-то видела, (как раз отходила к другому прилавку), что ничего продавщица с собой не брала. Переубедить народ я не смогла — да и не пыталась, честное слово: такая у всех злоба, глаза горят, крик стоит... Более того, стояв в этой атмосфере минут пять, я уже сама была готова наброситься на продавщицу. А ведь знаю, что та ни в чем не виновата... Как успокоиться, доктор? Как не потерять самообладание?»

Ситуация, как вы понимаете, типичная. К сожалению, большинство реагирует на нее так, как описывала моя посетительница. Дело в том, что каждый человек, попадая в стрессовую ситуацию, защищает свою психику по-разному. У многих психологическая защита проявляется в виде агрессии. Наименее выдержанные выплескивают гнев тут же, не отходя от прилавка: на продавца, кассира, товарищей по несчастью. Причем делают это, не стесняясь в выражениях. Другой тип людей можно назвать «домашними тиранами». Вместо не доставшегося ему товара такой человек приносит домой озлобленность — и на магазин, и на весь мир... И тут держись все домашние, особенно дети.

Третьи тоже несут гнев домой. Правда, изливают его не на близких, а во все инстанции: в редакции, исполкомы и Советы, вплоть до Москвы. В жалобах, как правило, действительные фак-

(Окончание на 41-й стр.)

Вячеслав ГОЛЯШЕВИЧ

ПОХИЩЕНИЕ „КНИГИ РЕКОРДОВ ГИННЕССА“

Раздел «Книга в журнале», как мы и обещали, будет включать в себя в основном произведения остросюжетные.

Первая публикация необычная не только сюжетом. Хотя сегодня Вячеслав Голяшевич впервые печатается в журнале (прежде публиковались только газетные работы), его имя читателям, вероятно, известно. И не только вологодским: совсем недавно все областные газеты и многие центральные сообщили о том, что достижение жителя деревни Кузнецово, что под Соколом, включено в «Книгу рекордов Гиннеса». За три дня он написал детективный роман — причем на тему, присланную из Москвы! Вероятно, тем, кто работает в таких жанрах, необходимо иметь хоть какую-нибудь жилку авантюриста. У одних она проявляется только в прозе, у других — и в жизни. Как, например, у нашего сегодняшнего автора. За свою не столь уж долгую жизнь Вячеслав успел побывать трактористом и моряком, картежным игроком и пожарным; получил диплом штурмана, учился (заочно) на факультете журналистики...

В последнее время он в основном писал детективные (точнее, приключенческие, авантурные) романы. И верил в удачу.

Пишет он быстро: не каждый роман, конечно, за три дня (то был рекорд все-таки!), но за месяц-полтора вполне может выдать том страниц этак в триста с лишком. И если не пропадет желание (у него — писать, у издателей — печатать), Вячеслав может стать популярным не только по публикациям о нем, но и по собственным книгам.

А пока — читайте «рекордный» роман (журнальный вариант).

ГЛАВА I

Темной мартовской ночью на окраине Москвы, возле базы книготорга оставались два КамАЗа. Из кабины выскочили четверо: трое — в рабочих комбинезонах, один — в милицеейской форме. Уверенно направились к проходной.

— Кто там? — послышался сонный голос сторожа в ответ на стук.

— Милиция. Открывай, дед, торопимся!

Дверь скрипуче отворилась. Человек в милицеейской форме стремительно ворвался внутрь и приставил к животу сторожа пистолет.

— Бросай пушку, дед! — потребовал он у вконец растерявшегося охранника.

Армейский карабин, висевший на плече сторожа, скользнул ремнем по руке и тяжело грохнулся прикладом об пол.

— Только не убивайте меня!

— Будешь жить, но если заговоришь в кабинете у следователя...

— Нет, нет! — взмолился старик. — Скажу, что уснул на посту, а проснулся уже связанный...

— Правильно мыслишь, — усмехнулся один из грабителей, закручивая веревки на руках сторожа. С кляпом во рту его бросили на диван, закрыли двери изнутри. На столе нашли ключи от ворот, открыли замки. КамАЗы въехали на территорию базы.

— Том, действуй! — скомандовал тот, что в форме.

К дверям базы подошел Том — маститый вологодский вор, специально приглашенный ради этого дела. Он достал отмычку и маленький фонарь, осветил скважины замков.

— Здесь внешняя сигнализация, — сказал он «милиционеру», заметив над дверью провода и устройство системы оповещения, прикрытое целлюлоидной пленкой.

Кречет (так звали преступника, одетого в милицеейскую форму), распорядившийся операцией, послал двоих сообщников отыскать блок питания и выключить рубильник.

Не дожидаясь, когда обесточат базу, Том ковырялся в замках. Кречет подсвечивал ему фонариком. Когда Том стал складывать инструменты в свою сумочку, Кречет хотел было дернуть дверь на себя, но получил от напарника по рукам.

— Не суйся пока! Откроешь сейчас дверь — сработает сигнализация. Подожди, пока ребята отключат склад.

И тут же свет на территории базы потух. Том распахнул широкие двери. Кречет вбежал на склад первым, но в темноте запнулся о какой-то ящик и растянулся. Ругаясь, он поднялся на ноги, направив фонарик в глубь склада. Луч высветил большие картонные коробки.

— Кажется, здесь, — сказал Кречет и полоснул ножом по упаковке. Затем посветил в коробку.

— Том! — радостно вскричал он. — Вот они, родимые!

Он выхватил из коробки новенькую книжку в блестящем переплете и потряс ею над головой. Том подошел поближе.

— «Книга рекордов Гиннеса», — прочел он вслух, полистал и бросил обратно. — Если бы здесь лежали деньги...

— Да ты знаешь, сколько мы за них выучим? — возразил Кречет. — Не меньше чем по сто тридцать — сто пятьдесят за каждую! А в коробках — сто тысяч экземпляров... Мы вовремя успели, завтра их наверняка пустили бы в продажу. Значит, конкурентов не будет.

Все четверо принялись за работу — таскали коробки в машины. Когда кузов первой был загружен полностью, Кречет, сев за руль, подогнал вторую

впритык к дверям. Пользуясь передышкой, Том отдохнул минуты две прямо на полу. Такая работа была ему непривычна, ноги гудели от усталости.

— Дернул меня бес согласиться идти с тобой,— утомленно сказал он Кречету.

— Не нервничай,— ответил тот.— Подумай, сколько мы заработаем. Миллионов пятнадцать, не меньше. С чего я взял? Помножь-ка сто пятьдесят на сто тысяч...

— Отчего же при таких прибылях мне ты пообещал мало — всего полмиллиона?

Кречет не видел усмешки в глазах Тома, было темно. Но чувствовал в его словах какой-то подвох. Он был убежден, что напарник прекрасно знает цену товара, иначе зачем бы согласился участвовать в деле? Только вот почему он прикидывается непонимающим?

Долго раздумывать над этим было некогда. Минут через двадцать загрузили последнюю коробку и двинулись в путь. Том сидел рядом с Кречетом, который вел одну машину, курил и нервно одергивал водителя:

— Не гони! Дорога обледенела. Кречет, жизнь мне дороже твоих миллионов!

— До утра мы должны выехать за пределы Москвы. Тогда нас не найдут...

— А куда направляемся?

— Это уж мое дело.

— Черт с тобой! Не забудь высадить меня в Вологде, а я пока пару чашков вздремну.

Том вскарабкался на спальное место и, бросив под голову подушку, развалился.

— Тебе я скажу,— вдруг заговорил Кречет.— Товар мы возьмем именно в Вологду, а там перегрузим в почтово-багажный вагон — и на юг.

— На юг? — удивился Том.— Почему же сейчас едем на север?

— «Петля» — лучший способ избавиться от ментов. На машинах туда мы все равно не проехали бы, через несколько часов на всех постах ГАИ транзитные машины будут проверять. Успеть бы только!..

ГЛАВА 2

Узнав об ограблении, Петр Симонов, сотрудник московского частного сыска бюро, сразу же приехал на базу книготорга. Он успел даже раньше милиции. Войдя в будку сторожа, увидел старика, который как ни в чем не бывало завтракал.

— Приятного аппетита,— сказал Симонов.— Так что же у вас ночью произошло?

Сторож, прекратив жевать, удивленно уставился на Симонова:

— А тебе что за дело?

Симонов вынул из кармана красное удостоверение.

Сторож заволновался, стал убирать со стола еду.

— Напали на меня ночью, товарищ начальник. Я немного задремал, был грех, а когда проснулся — надо мной двое здоровенных парней. Один пистолет приставил, другой связал меня. Как попали в помещение? Через забор, наверно, перелезли...

— Как были одеты преступники?

— Не разглядел,— пролепетал старик.

Симонов понял, что его изрядно запугали.

— Скажите-ка, запирается на ночь ваша будка?

— Конечно, с обеих сторон.

— Так как же могли в будку попасть люди, если обе двери — на засовах? Да еще в наружной смотровой глазок есть. Разве посторонним вы открыли бы?

— Запутали вы меня совсем, — растерянно сказал сторож.

— Да нет, это вы сами запутались, — помолчав, Симонов добавил: — Мне вы можете соврать, за руку поймать сложно. Но на суде за ложные показания...

— Знаю, — перебил сыщика охранник. — Вот когда поймаете преступников и приведете на суд, тогда я скажу по-другому. А пока... Тоже, знаете, жить хочется.

Симонов понял, что больше он ничего не добьется. Спрашивать, кто развязал сторожа, он не стал — знал, что это сделал тот человек, который догадался позвонить сначала не в милицию, а в сыское бюро.

Осмотрев замки дверей склада, сыщик не увидел следов взлома. Значит, у преступников были ключи. Или здесь действовал опытный вор, прекрасно орудующий отмычками.

ГЛАВА 3

В Вологде, как и намечалось, книги были погружены в поезд и отправлены в Краснодар. Поезд шел через Москву, но теперь Кречет был совершенно уверен, что проверки не будет. Сотрудникам милиции, думал он, и в голову не придет, что короба с «Книгой рекордов Гиннеса» проделали такой замысловатый путь.

Краснодар встретил Кречета солнечным днем. Город был чист и ухожен, не сравнишь с северными грязными и промозглыми городами. Подъехав на такси к высотному дому, Кречет поднялся на третий этаж, нажал кнопку звонка. Дверь открыл полноватый мужчина лет тридцати пяти.

— Проходи, — сказал он, улыбаясь, — я тебя ждал. Специально жену в поликлинику отослал, чтобы не мешала деловому разговору.

Кречет прошел в роскошную гостиную, уселся в кресло, вытянув ноги на мягкий ковер. Хозяин принес коньяк, бокалы и фрукты.

— Когда прибудет товар? — спросил он, устроившись в кресло рядом с гостем.

— Через два дня, Серж. Самое позднее — через три. Я отправил товар «петлей», так безопаснее.

Кречет отпил глоток коньяка, откинулся на спинку кресла.

— Самое время договориться о цене, — сказал он.

— Сколько ты хочешь?

— Сто пятьдесят за штуку.

Серж изумился.

— Имей совесть, Кречет! Не забывай, что я тоже должен платить — тем, кто согласился реализовать книги. Если соглашусь на твою цену — сам без навару останусь...

Кречет с досадой смял сигарету в пепельнице.

— Черт с тобой! Сколько ты хочешь?

— Треть. Сто — твои, пятьдесят — мне.

Зная, что Серж цену все равно не сбавит, Кречет согласно кивнул и од-

ним глотком допил коньяк. Серж оживился — видно, не ждал, что договорятся так быстро.

— Ты получишь десять миллионов,— говорил он Кречету,— этого вполне достаточно, чтобы обменять деньги на золотишко и смотаться за границу. Там тебя искать никто не будет...

ГЛАВА 4

Сотрудник частного сысканого бюро Петр Симонов сидел на кухне в квартире своего давнего знакомого. Степан Кузьмич почти десять лет был на пенсии, а до того долго работал в Московском уголовном розыске. Однако сидеть без дела не мог. Часто наведывался в МУР, знал все, что там творится. А его советы часто помогали раскрывать преступления, ведь за долгие годы работы сыщик хорошо изучил повадки многих преступников.

Вот и Симонов нередко приходил к нему за советом.

— Степан Кузьмич,— спросил он,— вы не припомните, не проходили ли по вашим делам такие «книголюбы»?

— К сожалению... Видишь ли, Петр, прежде подобные дела встречались крайне редко. Разве что фарцовка у книжных магазинов, но это мелочь. Теперь же цены на книги повышаются, особенно когда их стали издавать кооперативы. Следует думать, что «книжные» преступления не будут редкостью.

— Где же теперь их искать? — задумчиво протянул Симонов.

— Скорее всего книги остались в Москве. Теперь нужно ждать, когда они появятся на черном рынке. Через фарцовщиков, что тусуются там, может быть, удастся выйти на след главаря.

— А если их уже вывезли?

— Не думаю. Сам говоришь, что автотранспорт тщательно проверяется ГАИ. Такой груз незаметно не проскочит. Да и железнодорожная милиция не дремлет. Впрочем, вполне возможно, что книги вывезут маленькими партиями в багажниках легковых автомобилей.

Симонов прошелся по комнате. Остановившись у окна, он взглянул на улицу. Мимо дома проходили дети, которых вела воспитательница детского сада. Очень симпатичная.

— Петя! — усмехнулся Степан Кузьмич,— ты женатый человек, двоих детей растишь, а засматриваешься на молоденьких...

Петр удивился.

— Как вы догадались, куда я смотрю?

— Слышно, как ребяташки болтают на улице. В этот час они всегда проходят мимо моих окон. А воспитательница у них — красивая блондинка.

— Здорово! Но все же меня больше волнует другое. Книги ведь могли вывезти той же ночью, когда их украли.

— Допускаю такой вариант,— кивнул головой Степан Кузьмич.— Но далеко машины не уехали бы, с утра на всех постах ГАИ уже вели проверку. И соседние области были предупреждены. Если не в Москве, то где-нибудь поблизости груз все равно перехватили бы. Кстати, марки машин выяснили?

— Судя по протекторам, на базу въезжали КамАЗы. Ребята из МУРа уже выясняют в здешних автоколоннах, не выезжал ли кто на линию в ту ночь.

— А я думаю, кто же так искусно вскрыл замки? Без вашего опыта тут ничего не узнаешь...

Степан Кузьмич откинулся на спинку стула.

— Знал я одного вора,— сказал он.— Но с того времени прошло десять

лет. Мастер был высокого класса. Никогда ничего не взламывает — двери открывал аккуратно, четко действуя отмычками. Следов не оставлял, работал в перчатках. Системы сигнализации знал лучше любого специалиста, любую отключал в шесть секунд. Работал по кассам. Приходят утром люди в бухгалтерию на работу, как обычно, открывают сейф — а там пусто. Представляешь, ничего не повреждено, все как было, а денег нет! Брал, кстати, только деньги. Хоть норковую шубу клади в кассу, оставит на месте. Очень тонкий был вор, умный.

— Вы, конечно, задержали его?

Старый сыщик вздохнул.

— Это была настоящая охота! Целых три года я шел за ним по пятам, а достать никак не мог. Не удавалось вычислить, какую же кассу он будет брать в следующий раз, вот и колесил по следам его преступлений — из Архангельска в Москву, из Ленинграда в Адлер...

— Так он ушел от вас? — нетерпеливо спросил Симонов.

— Не торопи, все расскажу по порядку... Подвела его любовница. Бабы, сам знаешь, подлые бывают. Сажу в своем кабинете — и вдруг звонок. Женский голос сообщает, что сегодня ночью будет ограблен сейф судостроительного завода. И сразу — короткие гудки, трубку положила. Мне жаль стало, что охота оказалась нечестной, ведь не сам я его нашел, а мне его продали. Отправился на завод, поговорил с бухгалтерскими работниками и попросил запереть меня на ночь в помещении кассы. Устроился возле сейфа. Ровно в полночь услышал шорох. Подумалось еще, что кошка это — очень уж мягкие, почти неслышимые шаги. В скважину замка вошла отмычка.оборот, другой, все это тихо, без звона — и дверь открылась. В лунном свете я разглядел человека среднего роста. Одет в черное, на ногах — женские сапожки, чтобы запутать следы.

Степан Кузьмич передохнул. Видно, воспоминания разволновали его.

— Не забыть его уверенного лица. Ни тени страха, опасения — только решимость.

Симонов понял, что это — самый замечательный эпизод в полной приключений жизни старого сыщика.

— А сейчас он на свободе или все еще сидит? Сколько ему тогда дали?..

Блеск азарта потух в глазах Степана Кузьмича.

— Да нет, — сказал он. — Задержать его не удалось. Заметив меня, вор захлопнул дверь и запер ее отмычкой. Таким образом, я сам оказался в ловушке, которую приготовил для него. Конечно, полагалось мне посадить сотрудников и снаружи — но уж очень не хотелось подключить кого-то к этой операции. Хотелось, чтобы наш поединок шел один на один. Если бы он оказался наконец в моих руках, я одержал бы самую большую победу в жизни.

— Больше вы с ним не встречались?

Степан Кузьмич, задумавшись, выводил пальцем узоры на клеенке стола. Наконец он поднял глаза.

— Представь себе, встречался. В ресторане. Он одиноко сидел за столиком, ждал кого-то — возможно, ту самую любовницу, что предала его. Я подошел к нему, разговорился. После десяти минут пустой болтовни намекнул, что знаю о попытке ограбления кассы судостроительного завода. И тогда он сказал мне: «Да, кассу вскрывал я. Вы ведь из милиции, и все равно знаете это. Но доказать мою причастность не сможете». Он был прав. Мы разговаривали как приятели, откровенно и обо всем. Он менянисколько не боялся, ведь доказательств, что серию дерзких краж из различных касс совершил

именно он, у меня не было, и он это прекрасно знал. Больше того, он сказал, что знал, как я иду по его следу. И ничуть не опасался, так был уверен в своей удаче.

Симонов, подумав, решительно мотнул головой:

— И все-таки поймать его можно! Нет такого преступника, которого нельзя было бы взять. Кстати, не он ли вскрыл замки на базе книготорга?

Степан Кузьмич пожал плечами.

— Почерк очень похож. Но сомневаюсь, что он стал бы работать в группе. Раньше он был всегда один. Причем, как я говорил, ни книги, ни какие-то другие вещи его ничуть не интересовали, брал только деньги. И еще: на базе остались незакрытыми складские двери. А этот вор всегда аккуратно закрывал за собой все запоры.

— Может, он это намеренно сделал, изменил почерк, чтобы не бросить на себя подозрение. К тому же на базе был не один человек. А как зовут этого легендарного «медвежатника»?

— Ярослав Тошлаков. Кличка — Том.

Симонов задумался.

— Никогда не слышал...

— После нашей встречи в ресторане и я о нем ничего не слышал. И краж, похожих на те, что совершал он, тоже не встречал. Видимо, он завязал с воровством. Сейчас ему чуть больше тридцати, может, семьей обзавелся, на работу устроился...

Простившись со Степаном Кузьмичом, Симонов отправился домой. По дороге он не раз вспоминал историю, рассказанную его старшим товарищем.

— Странная личность! — говорил он сам себе. — Надо бы его разыскать, может, и поможет в чем-нибудь делу.

ГЛАВА 5

Степан Кузьмич был прав, говоря, что Том завязал с воровством. Однако жизнью законопослушного гражданина он все-таки не зажил. Действительно. Том не вскрывал больше сейфов и не опустошал заводских касс. Теперь он входил в состав крупной преступной группы в Ростове-на-Дону, которая занималась перепродажей автомобилей, видеоаппаратуры, компьютеров. Товары поступали из-за границы, перекупались — а затем с большой выгодой продавались. Денег это приносило намного больше, чем прежний промысел Тома.

В тот день Том сидел в беседке на высоком берегу Дона и вел деловой разговор с одним из своих компаньонов — Гнедовичем. Улыбаясь (он вообще был человеком жизнерадостным), Гнедович уверял Тома:

— Этого Кречета мы обведем вокруг пальца. Он же человек с деревянными мозгами, хоть и хвастается деловой хваткой. Уже известно, когда прибудет груз?

— Завтра к ночи, — сказал Том. — Запомни: вагон прицеплен к хвосту поезда. Кречет позаботился об этом, надеясь, что последний вагон легче отцепить в Краснодаре.

— О нас позаботился, — хохотнул Гнедович.

— Вот-вот. Вы отцепите последний вагон и загоните в тупик. Чтобы выгрузить книги, потребуется часа два.

Гнедович звонко шелкнул пальцами, обдумывая предложенный вариант.

— Распродать тираж ты хочешь в Ростове?

— Ни в коем случае, — отрезал Том. — Книжки надо переправить в Волго-

град, и лучше всего — речным путем. Есть у меня знакомый капитан, договорюсь, чтобы оставил в трюме своего «Волго-Дона» место для нашего товара. Разумеется, заплатит ему надо замечательно, поскольку сам он — человек замечательный.

Гнедович улыбнулся.

— А кому сдадим книги в Волгограде? Есть у тебя клиентура? Тираж большой, чтобы быстро распродать, нужно многих подключать.

— Вот этого я и не хочу. Да, если сдать товар мелкими партиями фарцовщикам, прибыль больше — но зато и на нары сесть больше шансов. Есть вариант лучше. Вчера я условился с одним тамошним боссом. Передам все книги ему, и получу почти две трети общей стоимости.

— Это сколько? — заинтересованно спросил Гнедович.

— Миллионов восемь.

Том закурил. Внизу по реке проплыл теплоход — точно такой же, как тот, на котором он собирался переправлять «Книги рекордов Гиннеса». И Тошлякову вдруг нестерпимо захотелось, чтобы скорее закончилась эта затянувшаяся операция.

— Только бы Кречет не пронюхал раньше времени, что мы собираемся его нагреть.

— А как он это сумеет? — спросил Гнедович. — Проводникам глотки заткнем. Пока расчихается, денежки будут у нас...

— Он может посадить в вагон своего человека. Правда, в Вологде доверенного лица Кречета не было, я точно знаю. Но дорога длинная, это можно сделать и по пути.

Гнедович задумался.

— И что ты предлагаешь? Убрать всех сопровождающих груз?

— Нет, лучше Кречета. Тем более что по нему никто не заплачет...

— Хорошо, я найду для этого человека, есть у меня такой на примете.

— Вот и договорились. Денег не жалея, дай, сколько попросит.

Гнедович развалился на скамейке. Расстегнул пиджак, чтобы свободнее себя чувствовать. В мыслях он уже прикидывал, как распорядиться миллионами.

— Сколько, ты говоришь, пообещал тебе Кречет за работу?

— Полмиллиона.

— Просчитался, стервец, — засмеялся Гнедович. — Дал бы хоть треть, глядишь, остался бы жить...

— Много болтаешь! — оборвал его Том. — Убери его сначала, а потом говори о нем, как о покойнике. Напрасно думаешь, что с ним легко справиться.

Гнедович посерьезнел.

— Сказал, что сделаю — и точка!

Том похлопал его по плечу, чтобы тот не обижался. Ссориться с Гнедовичем сейчас, в разгар операции, было невыгодно.

— Вот еще что. Когда перехватите груз на станции, возьми книжечку сто и отправь их с надежным человеком... ну, хоть в Минск.

— А это зачем?

— Пусть сдаст их по дешевке какому-нибудь тамошнему фарцовщику, не из крупных.

Гнедович с недоумением посмотрел на компаньона, затем вдруг закивал головой.

— А, понимаю... Ты хочешь, чтобы его засекали менты?

— Вот именно. Надо думать, они на всех черных рынках дежурят, ждут, где же появится эта злополучная книга. Вот и пусть порадуется...

ГЛАВА 6

Узнав о странном убийстве двух водителей в Вологде, Симонов немедленно выехал. С вокзала направился в автоколонну, представился начальнику.

— Я хотел бы узнать о водителях, которых два дня назад нашли мертвыми. Если можно, то посмотреть их трудовые книжки...

— Понимаете,— сказал Козлов, начальник автоколонны,— они у нас всего полгода проработали. И когда пришли наниматься, то трудовых у них не оказалось, в отделе кадров выписали новые. Так что ничего интересного вы, наверное, не узнаете.

— А где же они работали прежде?

— Прежде они сидели в тюрьме. За что? Хищения...

Симонов вспомнил, как Степан Кузьмич предположил: в группе, что ограбила базу книготорга, наверняка были — в качестве подсобников — те, что отсидели небольшой срок, скорее всего, за хищения. Таких опытные воры легко могут привлечь к опасному делу.

— Скажите,— спросил он директора,— где эти люди находились всю прошлую неделю?

— Были в командировке, а где — сейчас узнаем.

Козлов позвонил диспетчеру и попросил посмотреть путевые листы. В трубке слышалось шуршание бумаг, потом диспетчер что-то сказала. Козлов поблагодарил ее и, положив трубку, повернулся к сыщику.

— В Серпухов они ездили.

— Значит, через Москву,— подумал вслух Симонов.

А директор удивился непонятливости гостя:

— Так ведь другой дороги в Серпухов нет...

Разъяснить ход своих мыслей Симонов не стал. Он попросил разрешения осмотреть машины и, узнав, что они стоят в гараже, поспешил туда. Надежды, что обнаружит какую-нибудь зацепку, было мало: не уходить, не осмотрев машин, сыщик не мог. В cabinaх было грязно. И никаких следов, что на этих КамАЗах совершена «кража века». В одном из кузовов валялся обрывок картона. «Именно в короба такой расцветки и были упакованы книги!» — вспомнил Симонов. Но это еще не доказательство. Неизвестно, с чем они ездили в Серпухов,— может, с такими же коробами. В диспетчерской выяснилось, что на этих КамАЗах везли оборудование. А из командировки возвращались порожняком.

«Может быть, это и есть нужный след,— размышлял сыщик.— Но что толку: водители все равно ничего не скажут. Кто-то позаботился, чтобы они замолчали. Кажется мне, что к краже книг причастен тот легендарный вор, о котором рассказывал Кузьмич. Надо все-таки выяснить, где он сейчас...»

ГЛАВА 7

Когда поезд прибыл в Ростов-на-Дону, было уже темно. На путях — безлюдно, только один человек, одетый в форму железнодорожника, шел между составами. Как каждый поезд на крупной станции, тот, что пришел из Москвы, подлежал осмотру. Обходчик стукнул молотком по кареткам колес, затем остановился между последним и предпоследним вагонами и отцепил крепление. Выйдя на платформу, махнул рукой, будто кому-то сигнал подавал. Вскоре из темноты вынырнул маневровый тепловоз. Он впритык подошел к хвосту состава — и крепление зашелкнулось. Обходчик метнулся к тепловозу, осмотрел соединение и просигналил машинисту, что все в порядке. Дверь вагона открылась, высунулись два проводника.

— В чем дело? — возмущенно крикнул один. — Почему отцепили?
Обходчик подошел поближе и сказал, что ходовая часть неисправна, требуется небольшой ремонт.

— А куда, черт возьми, нас тащат?

— В тулик, там ремонтное депо. К утру все будет готово...

Вагон застучал колесами, уходя за тепловозом в темень. Проехав километра три, тепловоз остановился. Небольшая пауза, во время которой неизвестно откуда появившиеся люди отцепили вагон, — и тепловоз так же незаметно исчез, как и появился. А вагон остался стоять. Недоуменные проводники вглядывались в окружающую темноту. Ни депо, ни ремонтников... Вдруг их ослепили фары подъехавшего «Урала». За ним появился еще один.

Вокруг вагона внезапно собралась целая толпа — кто выскочил из «Урала», кто возник из окружающей вагон темноты.

— Быстро откройте дверь! — приказал один из приехавших проводникам.

— А кто вы?.. — стал было возражать проводник, но закончить фразу не успел: мощным ударом в лоб его уложили наземь.

— Вскрывайте! — приказал Гнедович, который был во главе группы.

Его подручные сорвали пломбу, кривым ломиком ковырнули дверь — и она открылась. Гнедович запрыгнул внутрь и увидел то, что ждал: коробка с книгами.

— Машину ближе, быстро! — радостно скомандовал он. — И загружайте, нечего стоять!

«Урал» подъехал, пятясь, к самому вагону, и работа началась. Второй проводник оторопело смотрел, как грабят груз, который он охранял. Вдруг он метнулся в сторону и побежал. Но укрыться было негде — кругом — пустыр. За ним бросились вдогонку, сбили с ног и, притачив к вагону, бросили рядом с его товарищем, который все еще не оправился от удара.

— Что вы скачете, сучьи дети? — присел рядом с проводниками на корточки Гнедович. — Хотели милицию позвать? Сбегаете еще... Но учтите, что вас сразу и посадят. За незаконную перевозку товара лет по пять, а то и по восемь намотают.

Один из проводников раскрыл было рот, хотел что-то возразить, но Гнедович зло прикрикнул:

— Молчать, пока не спрашивают.

Он отошел, посмотрел, как идет разгрузка. Люди работали споро, коробка сдин за другим перетаскивались в машины. Гнедович вернулся к проводникам.

— Где грузились?

— В Вологде, — робко сказал проводник.

— Накладные где?

— Нету...

— Ах, нету? Сучьи дети! Что же это вы, ворованный товар перевозите и даже о накладных не позаботились? Неумело работаете, ребятки.

— Нам сказали, что в Краснодаре все будет.

Проводники поняли, что оказались между двух противоборствующих преступных групп. Одни грабят других, а в их положении самое лучшее — выложить все, что знают. С бандитами шутки плохи.

— Кто ждет в Краснодаре? — спросил Гнедович. — Кому товар должны были сдать?

— Нас должен встречать какой-то Серж.

Гнедович улыбнулся про себя. Так вот кому Кречет сплавил свой товар! Но Серж не такой человек, чтобы деньги платить вперед. Выходит, Кречет еще ничего не получил. И не получит, как и Серж.

— Запомните: никакого товара у вас не было. Поняли? Ничего не грузили, ничего не выгружали. Сейчас ребята мои закончат, подойдет тепловоз и снова прицепит вагон к поезду. А будете болтать — поедете на другом поезде, и проводники будут другие. С собачками! — Гнедович захохотал. — Да, вот еще что. В вагоне вас было двое?

Проводники ответили одновременно:

— Двое.

— Трое.

Гнедович насторожился, поднес кулак к лицу того, кто утверждал, что в вагоне было только двое.

— Кто соврал? Ты?

Тот испуганно закрыл глаза, ожидая удара и боясь его.

— Нас было трое...

— И где же третий? — Гнедович схватил проводника за шиворот.

— Откуда мне знать? Он вышел в Ростове. Сказал, что пошел на станцию.

— Где он к вам сел?

— В Москве. Там он был с тем человеком, который передавал нам товар в Вологде.

«Значит, Кречет побывал в Москве, — смекнул Гнедович, — и посадил к этим дурням своего человека. Прав был Том! Теперь Кречет узнает, что груз перехватили здесь. Надо убирать его, и как можно скорее».

ГЛАВА 8

Симонов не ожидал, что ему так скоро придется снова приезжать в Вологду. Правда, до возвращения сюда он успел побывать в Минске: там, на черном рынке, милиция задержала фарцовщика по кличке Красавчик, торговавшего «Книгами рекордов Гиннесса». К сожалению, выяснить у него удалось не так уж много. Какой-то человек, которого Красавчик не знает, предложил ему пятьдесят штук этих книжек. Просил недорого, по тридцатке за штуку, и Красавчик охотно взял всю партию. Торговал по сто тридцать, и очень ходко. Когда фарцовщика задержали, у него оставалось лишь пять экземпляров.

Ниточка, которая потянулась было, снова оборвалась. Симонов понял, что эти книги заброшены в Минск специально, чтобы запутать следствие. «С этим делом, — думал он, — пожалуй, и сам в «Книгу рекордов» попадешь: как сыщик, раскрывший самое знаменитое преступление в России. Или — не раскрывший...»

Тогда ему снова вспомнился рассказ Степана Кузьмича о легендарном воре. Выяснить, где он, оказалось несложно: Ярослав Тошлаков прописан в Вологде. И Симонов решил поехать посмотреть на этого человека.

Дверь открыла очаровательная женщина лет двадцати — стройная, высокая, с золотистой копной волос.

— К сожалению, Славика нет дома, он на работе. Да вы входите!

Симонов прошел в гостиную по мягким коврам, сел в кресло. Бросилась в глаза японская аппаратура, видеоматнитофон с большим экраном. «Неплохо живет Том, — подумал он. — И обстановка, и красotka — все по высшему классу».

Хозяйка оказалась очень любезной, предложила кофе.

— Вы любите гостей? — спросил Симонов, не зная, с чего начать разговор.

— Я люблю Славика и хорошо отношусь к тем, кто к нему приходит. Только если с хорошими намерениями...

— Давайте познакомимся,— предложил Симонов.— Меня зовут Петр.

— Светлана.

— Вы — жена Ярослава?

— Разве для того, чтобы любить друг друга, обязательно ставить штамп в паспорте? И потом, вам не кажется, что вы задаете вопросы, которые не очень-то прилично задавать незнакомой женщине при первой встрече? Или вы имеете на это право? Вы что, из милиции?

Симонов несколько смутился.

— В общем, да. Но вы не пугайтесь...

— Мне нечего пугаться милиции! Только не надо было юлить...

— Вы умная женщина.

— Я знаю это,— спокойно сказала Светлана.— Ну, так зачем вы пришли?

Симонов чувствовал себя неловко. Как он ни пытался лукавить, Светлана видела его насквозь.

— Мне просто нужно задать вам несколько вопросов. Скажите, где работает Ярослав?

— В пожарной охране.

— Неужели пожарным теперь так много платят? Ведь все, что здесь стоит, стоит немалых денег...

— Платят девяносто рублей. Но они работают через три дня, остается время для заработков. Славик и сейчас уехал с бригадой в деревню, дома строить. Шабашки дают ему около тысячи в месяц.

«Неужели Том действительно стал честным человеком? — подумал сыщик.— Вряд ли она врет, понимает ведь, что все можно проверить». Таяла его надежда хоть как-то прояснить запутанное дело. В задумчивости Симонов опустил глаза и вдруг увидел на диване книжку в блестящей обложке.

— Позвольте взглянуть? — еще не зная, что это за книга, потянулся к ней сыщик.

— Пожалуйста! — Светлана встала, подала ему... «Книгу рекордов Гиннеса». Симонов вновь оживился. Он торопливо перелистал книгу — так и есть, издательство «Прогресс». Из того самого тиража...

— Это ваша? Ярослав принес? — как можно спокойнее спросил Симонов.

— Нет, одна знакомая дала почитать.

— А вы не могли бы сказать, где она живет?

Светлана против ожидания Симонова отнеслась к этой просьбе совершенно спокойно. И адрес на листочке она написала ровным красивым почерком, без всяких признаков волнения.

ГЛАВА 9

«Волго-Дон» стоял у причала. Книги погрузили в трюм еще вчера, но судно еще не вышло в рейс — не было разрешения диспетчера. Том оставил свою машину у проходной и прошел на территорию порта. Проводив взглядом группу матросов, которые пронесли мимо него на теплоход какой-то громоздкий шкаф, он ступил на трап. С мостика его увидел капитан, крикнул вахтенному, чтобы пропустили. Поднимаясь, Том заметил, что тяжелые люки грузовых трюмов плотно закатаны и опечатаны свинцовыми пломбами. Это его порадовало — кто полезет проверять груз под пломбы? Значит, товар спрятан надежно.

Навстречу гостю уже спускался капитан. Он пригласил его в каюту выпить пива.

— Как думаешь, не тормознут тебя по дороге? — спросил Том, вращая в руках стакан.

— Нет. Я ведь мебель везу, а ее в Волгограде очень ждут. Не бойся, проскочим напрямик.

— Ребята у тебя не болтливые?

— А какое им дело до того, что я погрузил? Что в твоих коробах, знает только грузовой помощник, второй штурман. Но он парень молчаливый. Подкинешь ему пару сотен — тотчас забудет, что везем.

Убедившись, что с грузом все в порядке, Том устроился отдыхать. Его помощника разместили в другой каюте. Публия (так звали подручного Тошлакова) Том в последнюю минуту решил взять с собой, опасаясь козней со стороны Кречета.

К вечеру «Волго-Дон» вышел на самую широкую часть водохранилища. Вдаль по фарватеру убежали мигающие огоньки буев. В тишине слышались лишь приглушенное завывание винтов да хлюпанье за кормой. Вдруг штурман что-то заметил впереди, поднял бинокль.

— Прямо на нас идет какое-то судно без огней.

Катер оказался быстроходным, он стремительно приближался. Но опознавательных огней, несмотря на наступившие сумерки, не зажигали.

— Что они, пьяные там, что ли? — выругался капитан. — Право на борт!

Штурман переложил рули вправо — но катер тоже изменил курс. Он нацелился прямо в форштевень «Волго-Дона». Внезапно на суденышке вспыхнули опознавательные огни. Проскочив мимо еще раз сделавшего маневр «Волго-Дона», катер развернулся и догнал теплоход с правого борта. На палубу вышел человек с мегафоном.

— Эй, на «Волго-Доне», позовите Тома!

— Ты что, в Америке? У нас не хижина, а корабль, — крикнул капитан. Он не знал клички своего пассажира. — Пьяный, так спи, а не шатайся по воде!

С катера назвали фамилию Тошлакова. Пришлось звать. Поднявшись на мостик, Том взял из рук капитана мегафон.

— С кем имею честь? — Сгустившиеся сумерки не давали возможности разглядеть, что за человек стоит на катере.

— Со мной, Том! Как себя чувствуешь, коленки не дрожат?

Том узнал голос Кречета. «Упустил его все-таки Гнедович! — выругался он про себя, но беспокойства не выдал. — Ничего, мы тоже приготовились».

— Чего мне бояться? — спросил он, решив затягивать время, чтобы выяснить, каковы намерения Кречета.

— Посмотри на корму катера!

Том перевел взгляд. На корме стояла небольшая пушка, а рядом — два ящика. Очевидно, снаряды.

— Ты просил калибр побольше, — хохотал Кречет, очень довольный собой. — Сорок пятый устроишь?

Тошлаков боялся верить, что пушка настоящая. Он толкнул локтем капитана, спросил, не макет ли это.

— Да нет, — дрожащим голосом сказал капитан. — Это боевое оружие. Смотри, как прочно установлено на палубе. Наверное, угнали катер у военных.

— Ну и жизнь пошла! — вздохнул Том. — Даже у ВМФ катера угоняют. Никакого порядка...

Кречет, решив, что окончательно напугал противника, снова поднес мегафон ко рту.

— Ну что, убедился? Шутить не буду. Или гони товар, или в твоём корабле будет дырка. И не одна!

— Надо подумать,— ответил Том.

— Думай, только недолго. Даю пять минут.

Штурман и капитан стояли ни живы, ни мертвы, слушая этот диалог. Согласившись перевезти «левый» груз, они никак не полагали, чем это может обернуться. Том попытался успокоить их, и быстро сбежал по трапу вниз, в каюту Публия. Тот спал в одежде. В каюте стоял густой запах перегара.

— И когда успел нажраться? — выругался Том, расталкивая помощника. — Вставай, живо! А то все уснем на дне, навеки. Доставай «игрушку»!

Публий встряхнулся. Он уже понял, что дело серьёзное. Открыв ящик, который он принес на теплоход (вся команда гадала, что там у этого странного пассажира — шмотки, выпивка, жратва?), он достал оттуда ручной пулемет.

— Незаметно проберешься на корму,— командовал Том,— увидишь с правого борта катер. Смотри, чтобы не засекли! Заляжешь там, и когда я дам команду, снимешь человека, что стоит на палубе. Если катер тут же развернется и уйдет, смывайся в каюту. А если останется — стреляй в каждого, кто появится на палубе.

— Ясно,— Публий окончательно пришел в себя. Он был деловит и спокоен, ведь умение выходить из таких переделок было его специальностью. — Какая будет команда?

Том задумался:

— Крикну «Лови!» А «игрушку» после дела — в воду.

На мостике капитан и штурман не знали, что делать. Пять минут им показались вечностью, и когда Том вернулся, они глядели на него с надеждой: придумал ли он что-нибудь?

— Все будет нормально,— бросил в их сторону Том и взял мегафон. — Кречет, давай серьезно. Здесь есть и моя доля, верно? Все тебе не съесть, подавшись. Предлагаю делиться.

— Пятьдесят процентов — оживился Кречет. — И ни рублем меньше.

— Может, прямо сейчас расплатиться?

— Давай,— окончательно уверовал в свою победу Кречет.

— Пятьдесят процентов я тебе дать не могу, но двойную порцию, как обещал,— пожалуйста. Лови!!!

С кормы «Волго-Дона» раздался треск пулемета. Две короткие очереди прошли по палубе катера, и Кречет рухнул. Положив на стол мегафон, Том закурил. Минуту-другую все молчали в оцепенении, затем капитан вдруг истошно закричал:

— Кто стрелял?

— Не знаю, капитан,— ответил Том. — Может, это тебе показалось? У того человека на катере было большое сердце. Вот и упал. Переволновался, на-верное, а это вредно.

Капитан, ничего не ответив, сбежал вниз по трапу. Оставшийся на мостике штурман в ответ на немой вопрос Тома, согласен ли тот с его версией случившегося, кивнул головой. Говорить он был не в силах.

На палубе катера никто не появлялся. «Раздумывают, что предпринять? Что ж, мы найдем, чем ответить...» — думал Том. Вдруг моторы взревели, нос катера поднялся. Поднимаемая буруны волн, суденышко развернулось и быстро ушло вправо.

— Полный порядок! — хлопнул Том по плечу штурмана. — Вперед!

ГЛАВА 10

После визита Симонова Светлана забеспокоилась. И поскольку вестей от Ярослава не было, она решила срочно вылететь в Ростов, к Гнедовичу. О том, что они занимаются одним делом, Светлана случайно узнала в прошлом году, когда вместе с Ярославом была в этом городе. Правда, тогда она и не подозревала, чем же занимается Тошлаков, искренне полагая, что все деньги, которые он приносит в дом, заработаны честным путем — на «шабашках». В доме Гнедовича, случайно подслушав его разговор с Томом, Светлана поняла все. Речь шла о каком-то польском жемчуге, контрабандой привезенном в Союз. Говорили компаньоны о том, через кого сбывать товар, как делить прибыль — короче, сомнений в том, что именно они организовали эту аферу, быть не могло. Как и в том, что эта афера — далеко не первая и не последняя в их бизнесе.

Ужаснувшись услышанным, Светлана вошла в комнату, где велись переговоры, и призналась, что все слышала. До сих пор ей помнится, какие тогда у Тома были глаза... Нет, страха в них не было — была решимость расправиться с ней, если выдаст. И еще — немного жалости к ней. Словно выбор он предоставлял сделать самой: или согласится стать его сообщницей, или... И Светлана выбрала жизнь.

В городе Гнедовича не оказалось, пришлось ехать на дачу.

— Какими судьбами, Светланочка? — заулыбался он, увидев гостью.

— Я приехала не любезничать, — отрезала Светлана, не давая Гнедовичу обнять себя. — Есть серьезный разговор.

Узнав, что Томом интересовался следователь, Гнедович посерьезнел. Они сели за столик, что стоял под яблоней. Гнедович попросил сына, который играл возле дома, принести графин с морсом. «Только бери из холодильника!» — сказал он.

Светлана рассказала все: что спрашивал следователь, что она ему ответила. Упомянула и о заинтересовавшей его книге.

— Вот дьявольщина! — выругался Гнедович. — Ты же подставила нас под удар...

— Это ты, а не я! Если бы он не занимался с тобой опасными делами, теперь не ходили бы ко мне сыщики!

Гнедович схватил Светлану за руку, чтобы та замолчала.

— Не кричи! Я и сам не знаю, откуда он взял эти проклятые книги... Кстати, следователь был из МУРа?

— Не знаю... — Светлана подробно описала внешность приходившего к ней человека, его манеры. Нет, Гнедович такого не знал.

Светлана разволновалась. Хозяин, чтобы успокоить ее, налил в стакан морса. Плеснул и себе. И снова повел распросы. Ему важно было выяснить, что же мог узнать этот неведомый сыщик. «Проверить, что ты ему наговорила, — размышлял он вслух, — несложно. В пожарке Том на самом деле работает. И на «шабашки» действительно ездит. Может подвести разве что директор совхоза, где бригада строила дома, — хоть Тошлаков и числится бригадиром, там его и в глаза никто не видел. Но ведь не на очную же ставку этого чиновника позвут, а по бумагам все в порядке...»

В доме зазвонил телефон. Гнедович поискал глазами сынишку — того нигде не было. Тогда он встал и сам прошел в дом. Минут десять Светлана сидела

одна за столом. Наконец Гнедович вернулся и, залпом выпив стакан морса, сказал:

— Хорошо, что ты приехала ко мне. Постараюсь найти Тома и все ему передать. Пусть скорее едет в Вологду и выходит на смену, чтобы никто его ни в чем не заподозрил.

— Так ведь смена у него уже завтра,— задумчиво протянула Светлана.— Но он, наверное, предвидел, что не успеет, и оставил заявление на отгул — он мне сам об этом сказал.

— Молодец у тебя муженек,— хлопнул ладонью по столу Гнедович.— Да и ты — баба не промах...

ГЛАВА 11

Той же ночью, когда «Волго-Дон» прибыл в Волгоград, книги выгрузили из трюма и на машинах вывезли из порта. Прощаясь с Томом, капитан испуганно тряс ему руку и умолял больше никогда не обращаться к нему за подобными делами. «Струсил морячок,— презрительно думал Тошлаков,— а ведь я заплатил ему в два раза больше обещанного. Ну и черт с ним, пусть мелочами пробавляется. С таким я и сам не стану больше связываться, продаст в случае чего задешево».

Его заботили уже другие дела. Еще до наступления утра он должен был встретиться с местным воротилой и договориться с ним обо всем. Слоп — так звали волгоградского дельца — не упустил выгодного случая. Товар, как и предполагал Том, был оценен в восемь миллионов. Половину суммы Слоп обещал выплатить днем, а остальное — после реализации книг.

На следующий день Том сидел в парке, напротив ресторана, где была назначена встреча. На другой скамейке лениво листал журнал Публий. Том приказал ему на всякий случай приготовиться ко всему, и тот взял с собой пистолет.

В условленное время Слоп не появился, и Том решил скоротать время в ресторане. Посетителей там не было, но официант подошел только через десять минут. Не глядя на посетителя, положил на стол меню. Том нервничал — к такому обращению он не привык. Пробежав меню, он поднял глаза на официанта.

— Что будете заказывать?— спросил тот.

— А что тут заказывать?— разозлился Том. В меню, кроме салата из квашеной капусты да каких-то дешевых вин, отвратительных даже по названиям, ничего не было.

— Не нравится — идите в другое место,— равнодушно ответил официант. Это окончательно вывело Тома из себя. Он сжал в руке твердые корочки меню и уже было размахнулся, чтобы швырнуть его в ненавистную унылую физиономию...

— Братец, принеси-ка нам водки,— тронув официанта за плечо, негромко произнес появившийся рядом со столиком здоровяк. Официант, узнав Слопа, подобирающе кивнул и бросился на кухню. Не прошло и минуты, как он появился снова, неся на подносе графинчик и две жареные куропатки. Проворно разлив по рюмкам водку, он неслышно удалился.

Окончание в следующем номере.

ДАВАЙТЕ УСПОКОИМСЯ!

(Окончание. Начало на 24-й стр.).

ты перемешиваются с придуманными (впрочем, в достоверности их пишущий не сомневается).

Особенно мне жаль людей, которых условно я называю «самоедами». Они возникающую агрессию направляют на самих себя. «Вот так всегда,— клянёт такой человек себя,— стоит мне встать в очередь, как обязательно все кончается. И добро бы сразу — а то стоял, дурак, два часа... И зачем я только такой родился...»

Кроме агрессии (пусть и в различных формах выражающейся), есть у людей перечисленных типов еще одно сходство: все подобные формы реагирования на сложную жизненную ситуацию формируют невротический стереотип поведения. Да, в некоторых случаях агрессия приносит облегчение. Но оно обманчиво! Раз, другой, третий выплеснете гнев — а потом уже и не заметите, как ваше отношение к окружающим постоянно будет выражаться в агрессивной форме. И если услышите сзади: «Ну и хам же!» — не оглядывайтесь, разыскивая взглядом грубияна. Это про вас, как ни печально.

Вырабатывается стереотип легко и быстро, благо социальные условия сейчас этому весьма и весьма способствуют. Но вот избавиться от него... Что тут можно посоветовать? Попробуйте такой простой прием: прежде, чем кричать и топтать ногами, сожмите резко, как можно сильнее кулаки, а затем постепенно расслабьте их. Повторите четыре — пять раз («особо нервным» можно и десять). При этом старайтесь глубоко и ровно дышать. И вы наверняка почувствуете, как энергия агрессии перешла в мышечную, и злость ваша исчезла.

Галина РЕЗНИКОВА,
врач-психотерапевт.

РОДОСЛОВНАЯ «ЛАДА»

И ТО, И СИО

Не удивляйтесь странному заголовку. Около двухсот лет назад, когда российская журналистика только начиналась, среди возникающих и пропадающих в море житейском журналов и журнальчиков был и такой: «И то, и сию». Говоря нынешним языком, — и то, и се. Содержание его названию вполне соответствовало, помещалась в нем всякая всячина (кстати, в то же примерно время выходил журнал и под таким названием). Зачем оно нам понадобилось? Архаично звучащее это выражение, как нам кажется, достаточно точно соответствует разделу «Лада», где мы будем говорить о наших предшественниках — вологодских журналах прежних лет.

Больше всего изданий в Вологодской губернии выходило в первой трети нынешнего века. Но есть и те, что старше. «Вологодские епархиальные ведомости», например, издавались с 1864 по 1917 год; «Журнал Вологодского губернского земского собрания» — с 1870 по 1914 год. Правда, журналами в нынешнем понимании их назвать, пожалуй, нельзя, печатались в них в основном документы, официальные сведения. Но это не значит, что ничего интересного нынешнему читателю в них не было, и впоследствии мы постараемся ознакомить вас с извлечениями из этих изданий.

Немало было краеведческих изданий. Их выпускало Вологодское общество изучения Северного края, да и в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера» постоянно печатались сведения о нашей губернии.

Выпускался «Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии» — с 1902 по 1914 год. В 1921—1922 годах выходил продолживший его «Врачебный вестник» — областной научный медицинский журнал Северного края.

Настоящий журнальный бум начался после 1917 года, причем не только в Вологде.

Журналы для охотников и рыбаков, кооператоров, строителей, земледельцев, железнодорожников и учителей, обозрения театра и кино — чтобы только названия перечислить, потребуется немало места. В первые десять лет Советской власти выходило больше сорока различных изданий! Одни существовали меньше года, другие — несколько лет, но каждое (даже, наверное, самое нереспектабельное — еженедельник ЛИТО Вологодского губпросвета «Красное слово», всего раз только выпущенный на восьми страничках) имело свой круг авторов, своих читателей...

Так что наш «Лад» не на пустом месте вырос. Мы это помним и стараемся так или иначе использовать традиции предшественников, их опыт. И, конечно, будем рассказывать о них.

* * *

...Во время экзаменов по переводу учащихся из одной группы в другую (в техникуме) ученики старших групп так отвечали на вопросы:

— Скажите, кто такой Троцкий?

— Троцкий — председатель учредительного собрания.

— А кто же Ленин?

— Ленин — управляющий делами вообще.

— Ну, а какая же высшая власть в Советской Республике?

— Высшая власть в Республике... высшая власть — Рабоче-крестьянская инспекция.

«Северная звезда», Вологда, 1922 г., № 3.

Кинематограф в нашем уезде (Грязовецком) почти впервые и отношение к нему на местах самое разнообразное. Иные с большим интересом и радостью встречают приезд с кинематографом, другие — с затаенным недоверием, а некоторые, где царят особенно суеверия и предрассудки (как, например, в Панфиловской волости), на кинематограф смотрят как на дело нечистое. Говорят, быть не может, чтобы из такой маленькой картины-ленты в темноте получилась живая картина, где все движется, изменится. Крестьяне Ростливецкой волости, дер. Пирожково, говорили, что тут за экраном насажены люди, животные, растения — вот их и показывают, а другие говорили, что тут сидит нечистая сила. В Гаврильцевской волости, в дер. Поповское один гражданин смотрел не столько на экран и картину, сколько отгибал экран и смотрел туда, желая понять секрет появления «живых людей».

«На грани», Вологда, 1921 г., № 1.

В Череповецкой губернской следственной тюрьме часто устраиваются спектакли, выпускается свой еженедельный журнал, печатаемый на шапирографе. В журнале участвуют сами заключенные.

«Красный факел», Череповец, 1923 г., № 1.

...И ЕГО КОМАНДА

Не будем называть ни фамилий, ни адресов. Долго размышляли, стоит ли вообще об этом говорить. Больно уж противно... Но все-таки решили: надо. Потому что если промолчать, устыдиться — как знать, не разрастется ли за-раза.

В одном большом вологодском дворе верховодили трое пацанов — так они сами себя называли. Точнее сказать, заправилкой был один, а другие двое его... Товарищи? Компаньоны? Помощники? Все не те слова. «Шестерками» они были — так сказать верней. Потому что отношения этих ребят между собой весьма напоминали отношения блатного «авторитета» со своими... опять заминка: как объяснить нормальному человеку значение уголовного термина «шестерка»: слуга? подчиненный?

Вынуждены признать, однако, что объяснения, скорее всего, излишни. Едва ли не все понимают значение этого слова. И это, на наш взгляд, говорит о глубоко проникновении в общественную

психологию понятий уголовных, законов преступного мира. То есть правил поведения, изначально противопоставленных тем, которым подчиняется остальное общество. Мы с вами.

Те трое, о которых пойдет речь, уголовниками не были. Развлекались в меру своих понятий. Правда, развлечения эти, в общем-то, далеки от тех, что считаются пристойными. Урну перевернуть, скамейку раскорочить, качели сломать... Проказы шестнадцатилетних подростков довольно часто выражались в таких поступках, что находятся на грани закона. А то и за гранью его.

Остальные ребята во дворе вначале в ту компанию не входили. Но — урну ведь интересно перевернуть лишь в первый раз, когда сердце замирает от сознания собственной смелости, силы, от безнаказанности... Ну, в третий. А в десятый? Сам себя вроде уже убедил, что все нипочем. И появляется потребность в зрителях. Послушных, восхищающихся. Где таких взять? Да вот они, во дворе гуляют — кто на велосипеде, кто на качелях, кто с мячом возится.

Начиналось, вероятно, с малого, с демонстрации удалства, смелости, пренебрежения общепринятыми нормами поведения. Граничило это, по мнению суда, с хулиганством. Потом «авторитет» предлагал одному из любопытствующих (а вокруг трюх собиралось немало ребят помладше): «Хочешь стать настоящим пацаном?» Кто же откажется...

Что для этого надо было сделать? Прогулять с ними ночь. Просто не ходить домой, и больше ничего. Пусть родители почувствуют, что с ними уже не считаются. Настоящий «пацан» должен слушаться только своих.

Кое-кто отказывался от этого предложения сразу: нет, не могу, мама будет расстраиваться, папа рассердится... А кое-кто соглашался.

Что чувствовали родители, чей сынишка (вербовка шла среди ребят одиннадцати — двенадцати лет) без всякой причины, ни слова о намерениях не говоря, не приходил ночевать, наверное, представляют все. Тут места себе не находишь, когда сын, выйдя днем погулять, на полчаса со двора исчез...

Были и такие ребята, что, согласившись на «ночные развлечения», все-таки участия в них не принимали. Одних родители не выпускали, другие сами испу-

ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

гались... Думаете, наутро их просто не принимали в компанию? Если бы... Каждый, кто соглашался было приносить клятву «честь пацана» (ночная прогулка и была такой клятвой), но слова не держал, должен был за это расплачиваться. Така одна для всех: 75 рублей. Конечно, денег таких ни у кого не было — но это не избавляло от ответственности. Откупиться можно было и по-другому. Первый вариант — десять ударов тростью по голове. Второй — прыжок в вентиляционный колодец (благо у половины люков крышки где-то в стороне валяются). Третий — ... Этот вариант в приговоре суда обозначается как половые извращения. Остановимся на этом термине и мы.

Как думаете, что ребята чаще всего выбирали? Бить себя по голове не давал никто (испытаниям подвергались больше десяти мальчишек). В колодец прыгать — темно, кто знает, на что напорешься. Но кто-то один выбрал все-таки этот путь в «пацаны». К счастью, не разбился. Ну, а большинство предпочитали третий вариант...

Спустя некоторое время в другом микрорайоне Вологды — похожий случай. Несколько шестнадцатилетних подростков устроили себе что-то вроде клуба в полуразрушенном здании. Сами они называли его — «наш штаб». Много таких по нашему городу — жильцы выехали, а ни сломать до конца, ни отремонтировать не находится у хозяев дома ни сил, ни желания. Собирались тут те, кого называют «трудными». Со временем своя компания наскучила, потребовались свежее силы. Все происходило примерно так же, как и в первом случае: подключали мальчишек к своим развлечениям, а если те отказывались выполнять их требования, наказание было то же самое. Половые извращения.

Можно сетовать на недостаток внимания к ребятам и родителей, и школы, и милиции, и всякого рода культурных учреждений — и это, вероятно, будет правдой. Можно говорить об отсутствии полового воспитания — и это тоже будет правдой. Вероятно, не будет ошибкой и упоминание об особенностях подростковой психологии: ребята в этом возрасте свойственно объединяться в группы; взрослея, они стараются освободиться от влияния взрослых. Можно даже пример вспомнить — из Гайдара,

про Тимура и его команду. Там ведь ребята тоже вели себя не всегда так, как нравилось их родителям...

Все это верно. Но почему же те «команды», о которых идет речь, занимались совсем не помощью одиноким старушкам?

И в том, и в другом случае извращения — не только от испорченности, от ранней извращенности. Насилие (в этих случаях — сексуальное) «авторитет» использовал как средство подавления ребячьей воли. Как средство подчинения себе. Так же, кстати, это делается и на «зоне» — там здоровых мужиков насилуют не столько от сексуальной активности, сколько ради того, чтобы заставить их подчиниться.

Народный суд наказал виновных. Не будем перечислять статьи и сроки, не в них дело. Да и не хочется возбуждать вокруг этого страстей: наверняка одним покажется, что дали непомерно много — «за баловство-то»; другие, наоборот, сочтут, что здесь любое наказание недостаточно.

Не хотелось бы, чтобы обсуждение этой проблемы (как нам кажется, это вовсе не частные случаи, а проблема) вылилось в банальные пересуды, кому сколько дали.

Посмотрим с другой стороны: отчего все сильнее ощущаем мы давление законов преступного мира? Почему дети наши безропотно, никому не говоря, соглашаются с ними, идя на унижение, — может, оттого, что не научили мы их? А ведь как называлось это похабство — «честь пацана»... То есть в осквернении, оскорблении физическом и душевном, в растлении, в лишении достоинства человеческого — и есть эта самая «честь». Все по кодексу уголовников, где все наоборот, где хорошо то, что недопустимо в нормальном обществе.

Помнится, Высоцкий пел: «Досадно мне, что слово «честь» забыто...» Сейчас не то, что досадно — страшно делается: место высокого понятия чести человеческой заступает уродливая, извращенная «честь пацана».

**Юрий ГАВРИКОВ,
Александр РЕМБУЕВ.**

Человек жив не только семьей и работой. На свете немало людей, посвящающих свое свободное время различным увлечениям. Кто собирает марки, кто монеты, значки, календарики — да всего не перечислить... В этом разделе мы собираемся печатать материалы о видах

коллекционирования, о других способах полезного и увлекательного проведения досуга. Ждем писем и от вас, дорогие читатели: чем вы увлекаетесь? Может быть, ваши письма в журнал помогут вам найти единомышленников или тех, кто пополнит ваши собрания.

„ЗЕЛЕННЫЕ ЕЖИКИ“

В Вологде существует клуб кактусоводов «Колючее чудо». Сегодня его председатель Наталья **ВАСИЛЕНКО** рассказывает о своем любимом занятии.

Кактусы — растения очень разнообразные. Шаровидные, столбовидные, плетевидные, они всегда привлекали внимание людей своей необычностью. Мы любуемся причудливой формой этих растений, необыкновенным цветом их стеблей, колючек. Заботясь о них, работая в своем маленьком садике на

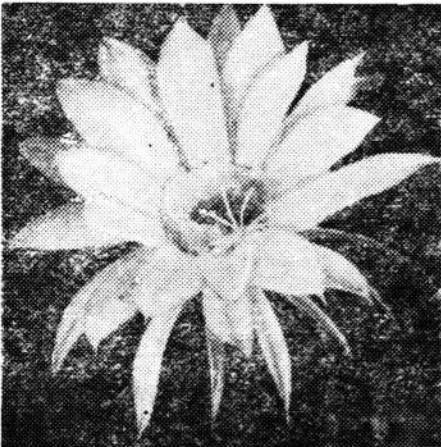
подоконнике или в тепличке, мы снимаем свои нервные стрессы, забываем о житейских неприятностях, получаем эстетическое наслаждение. В ответ на теплый взгляд, заботу и внимание наши «колючие ежики» раскрывают бутоны нежнейших цветов, выпускают новые — желтые, красные или черные колючки, и подрастают, — на несколько миллиметров в год.

А теперь — несколько советов начинающим.

Если вы приобрели кактус — ни в коем случае не поливайте его зимой. Дайте ему отдохнуть в прохладе, при температуре около пяти — десяти градусов тепла. Тогда весной он порадует вас цветением. Знайте, что кактус — консерватор. Он не любит, когда его то и дело поворачивают, передвигают. Многие сокрушаются: «Уж я его к солнышку и так, и этак, а все не цветет». И не зацветет, потому что цветочные гормоны дезориентируются: где же им скапливаться, образовывать бутоны?

Если вы хотите выращивать кактусы — позаботьтесь о самом необходимом. Вам нужен крупнозернистый песок, дробленый красный кирпич, гранитная крошка. Вам нужны пластмассовые горшочки, плошки для посевов, и, конечно же, желательно соорудить или приобрести маленькую тепличку для семян.

В следующий раз я расскажу о том, как сеять семена кактусов. А тех, кто заинтересовался работой нашего клуба, мы приглашаем записаться в него. Вопросы задавайте, позвонив по телефону 5-22-65.

МЕРЦАНИЕ

Два рассказа

ПРАВДА

А. Драчеву

Марью нашли ночью. Две недели лазили по лесу — как в воду канула. И надеяться уж перестали. А тут мужики в последний раз сподобились: сказала им тетка Анна с хутора — мол, ищите там, где Марья заходила. Не можете не обнаружить — лучше смотрите. Ну, и пошли деревенские, несколько человек. Одни мужики. Вот Витька Караулин и увидел первым Марью: воду из ручья пригоршнями пила. Там же, где и заходила, как и предсказывала хуторская Анна. А Марья, увидев своих деревенских, точно ополумела — с перекосившимся от непонятного ужаса лицом кинулась сломя голову в лес. Только сучья треск подняли. Ну, мужики догнали, взяли в охапку молчком лягавшуюся Марью и только так дотащили до деревни. Марья-то не хотела возвращаться: вырывалась, дергалась всячески, изгибалась да на лес косилась. Удивлялись: откуда у старухи и сила такая взялась, как будто кто помогал. Даже не по себе мужикам стало. Дома Марья не успокоилась, все в лес, видно, рвалась, а на расспросы, где это она, Марья, так долго была, вдруг заговорила, понесла такую околесницу, что ее, недолго думая, отвезли в больницу. Врачи, наслушавшись Марью, только головами покачивали да продолжали делать свое дело — качивали старуху подручными снадобьями. И вскоре Марья опять вернулась домой — теперь уже притихшая, успокоенная. И стала она жить да поживать себе потихоньку, как и раньше жила-была: никому не мешая. А в деревне еще посудачили — обсуждали со всех сторон этот случай. Недоумевали: отчего это Марья только дома заговорила, да и

то непонятно что: знай бормочет себе под нос, да все с подвыванием, просто не по себе становится, страх божий. Но помаленьку все успокоились, а жизнь продолжалась своим чередом. И однажды Нюра Агафонова, поздним уже вечером проходя мимо Марьиных окон, услышала разговор. Хозяйка говорила — вернее, отговаривалась, отчитывалась перед кем-то. А голос-то, что спрашивал Марью, мужской был: как бы человеческий, а коль вдуматься немного, то и не совсем людской, что-то пугало в нем. Голос спрашивал громко, внятно:

— Рассказывала кому-нибудь?

А Марья уже бормотала привычно что-то неразборчивое — похоже, оправдывалась.

Нюра набралась духу и постучалась. Открыла ей сама Марья.

— С кем это ты разговариваешь-то? — внезапно, оробев, спросила в комнате Нюра.

Марья тотчас покосилась в угол, наспулилась, буркнула:

— Да ни с кем.

Но пригласила Нюру посидеть, вздула самовар. А Нюре что — делать все

ПРОЗА

равно ведь нечего, тоже одна кукует не первый год. Сидели, чаевничали. Вся-то Нюра извертелась, в пот изошла — не вытерпела:

— Да, Марья, не обессудь, матушка, расскажи хоть: как ты вышла-то да выжила-то? Шутка ли: гли-ко, ведь целых две недели носило леший знает где, что и ела, а жива-здорова, слава Богу...

Марья вздрогнула, снова в страхе покосилась в угол, ужала голову в плечи:

— Ой, и не проси, девка, не проси. Не могу я сказать, веришь-нет. Не велено.

— А кем не велено-то?..

— Не велено, Нюра, и все. С а м и м не велено.

— Да окстись, Марья-матушка. Кому я скажу-то? Мы ведь вместе на посиделки шнявали. В прежние-то годы. Да за одним и парнем ведь ухлястывали. Ваньку-то с Колнобова помнишь ли?..

Любопытство разобрало Нюру — начисто все забыла. Прямо вынь да положь.

— Не знаю я, ничего не знаю, — бормотала Марья, косясь по-прежнему в угол. После подняла руку как бы для знаменья крестного, но махнула:

— Скажу уж тогда, Нюра, Бог с тобой, только ты уж помалкивай. Я-то свое отжила, наш век не велик. Бабь город не строятся...

И поведала Марья своей товарке Нюре святую правду — все как есть на духу. Ничего не утаила.

Кому неохота в лес напоследок сходить — за грибами-то? Понятное дело: рыжиков да волнушек по концу осени собирать. А что Марье одной дома делать — подпоясалась, да и была готова. Положила на дно корзинки-посбирушки хлеба горбушку да еще чекушку не забыла: кровь старую подсогреть. И пошла себе, побрела с палочкой. Хорошо поползала. А когда приустиала, присела на пенек и съела свой пирожок. И чекушку эту кувырнула — с устатку-то. А как потемнело — Марья и не заметила. Повертелась туда-сюда: батюшки-светы, куда идти-то? Ведь окружило, как есть окружило!.. И тут из-за кустов мужик вышел. Марья пригляделась и узнала его: вроде как в лесниках ходил. Только умер, кажется, сказывали. А может, и нет. Забылось уже — не та память стала.

«Заблудилась?» — мужик спросил. — «А не выйти, милый, — пожаловалась Марья. — Завело».

«Ну, пойдем тогда со мной», — кивнул ей мужик-то этот.

«Да, батюшко, вроде как помер», — торопилась Марья вслед. Отдать боялась.

«Да так... — отвечал ей мужик. — Работая я тут... в лесниках. Давно. Забыли уже меня».

Давно так давно. Главный, хоть человек внимательный оказался — не бросил одну в беде. Вышли они к домику лесникову. Зашли. Мужик шубу-то с себя скинул: в шерсти весь оказался, и Марья еще заметила, — с копытами. Господи, Господи!.. А сама вроде как и не испугалась. Даже любопытство взяло. В доме-то хозяйка забегала, тоже мохнатая, в шерсти, и детишки в родителей оказались. Хозяйка-то помалкивает все, а только сердито пофыркивает да копытами сильнее постукивает. Чего-то ей не по нраву пришлось.

Ну, заставил этот лесник Марью детей его на себе катать, убажывать, а после повел в лес да к березе поставил, и точно Марью опутало чем-то всю. Ни двинуться и ни пошевелиться — ни рукой, ни ногой. А сам куда-то исчез. Настоялась Марья, уж невмоготу стало, взмолилась: «Батюшко-хозяюшко, есть охота». А лесник тотчас из-за дерева вышел, взял Марью за руку да и повел тропкой. Вышли они к деревне и направились в первый же дом, где ругались. Наелись там оба-два — и, невидимые, обратно в лес подались. Там Марья опять с робетншкками лесниковыми играла, да грибы-ягоды ихнему семейству собирала, заготовляла. А есть ее лесник шерстнатый водил каждый раз в деревню — и кормились они только в тех домах, где ругались хозяева. Марья всякий раз видела, как деревенские ходили ее искать, да только голоса не могла она подать, не дано ей это было. Так и прожила она в доме лесниковом две недели целых. А раз грибы опять собирала да пить занемоглось — только к ручью-то наклонилась, тут деревенские-то и увидели ее. Может, и утащил бы ее лесной человек обратно с собой, да, видно, какое-то слово заговорное знала Анна хуторская, что мужиков на поиски отправляла. Вот и удалось деревенским отнять Марью да домой привести.

А Нюра, товарка-то закадычная, выслушала все — и только от удивления большого головой качала да ойкала, пока Марья ей рассказывала. А потом не утерпела и разнесла это по округе: раз-ве язык на привязи удержит.

А Марье-то все хуже да хуже становилось: наладился ей домовушко давить — до самого первого снега ходил. Так Марья, как и мужики когда-то, сползала к Анне хуторской, та и научила, как делу быть. Взять да хомут на пороге к ночи положить. Он и перестанет бывать. Отвернет нечистую-то силу, обязательно отвернет. Марья так и делала. Заходит вечером к ней с ам, а на пороге — хомут. Он с обличья-то весь изменился, да как закричит: «А-а, догадалась!» — Развернулся да и был таков. Больше и носа не показывал.

Правда все это или нет, нам, фомам да еремам, неведомо, но только и посейчас замечают деревенские за Марьей одну странность непонятную. С того самого времени и началось, как вышла Марья из леса: перестали на нее собаки в округе лаять. Как увидят старуху — хвост с ходу подожмут, шерсть у них на загривке дыбом встанет, — и в сторону бегут. Боятся чего-то.

ПЕСНЯ

Возле серого огорода с новой желтой баней зеленела соснами да елями окраина густого леса. Мы с шестилетним сынишкой играли вперегонки на тропке возле самой крайки: сентябрьское бледное солнце скрывалось за синими тучами, и в холодеющем воздухе было прозрачно и ясно. Сынишка что есть силенок убегал от меня, запинался, падал и снова неумоимо улепetyвал, неудержимо покатываясь со смеху.

И как-то неприметно так мы оказались в леске — кажется, только и вошли: дом-то вон он — позади, рукой подать. Но не успел я толком подумать об этом да оглядеться, как внезапно ощутил под ложечкой жгучий холод — и тревожно заозирался. Вкруг нас с сыном величаво — аж под самые небеса! — мощно и грозно зашумел непроходимый

лес!.. Громче обычного зачавкала под моими литыми сапогами болотно-кочковатая трясина, заходила киселем бурым — сухой саблистой осокой покрытая да осыпанная крученым ломком сушняком. Сынишка уцепился за мою руку и тоже споровито перебирал своими красными сапожками с фиолетовыми резными ободками. В некоторых сырых местах я пружинил рукой, и сынишка беззаботно и весело спрыгивал на сухую прогалину или полянку.

Я еще надеялся, что все обойдется: раз-другой повернет и на деревню обязательно выведет. Но тут мне некстати вспомнилось, что окажись у меня даже компас сейчас — толку бы не было: все равно что пуговица на ладошке. Тревога нарастала, толкая кровь в отяжелевшие виски, и немного погодя, я понял, что мы с сынишкой все-таки заблудились.

И разом все вокруг нас оказалось странным, непонятым и чужим!.. Шумел и шумел в вершинах — в поднебесье недосагаемом! — угрюмый и пугающий наступающим вечером лес... А сынишка начинал уже беспokoиться, меньше улыбался и все просился обратно домой к бабушке. Со всех сторон веяло тонким леденящим холодом, то и дело хлюпало, скрипело и попискивало.

Я на разу подхватил сына на руку, прижал к себе — крепче обычного и ускорил шаг, стараясь держаться той стороны, откуда, как мне казалось, мы уходили. Лес как будто бы сдвинулся плотнее и ближе к нам, стал непроходимее. И первое время я берег свои глаза от сучьев да веток, а после устал разом так, упал духом, что только лишь защищал, прикрывал от встречных да поперечных щелчков личико говорившего что-то без умолку сынишки. Как-то незаметно я зачерпнул раз и другой стылой черной жижи, но, не чуя этого, все убыстрял и убыстрял свой торопливый шаг, лишь мгновениями ощущая на горевшем лице жжение от упругих и хлестких веток.

Иногда я мельком взглядывал вверх и, видя только клоки неба высоченного, — вздыхал прерывисто и все бережнее прижимал сынишку к себе, а мое сердце сильно и горячо толкалось в хрупкое тельце сына. Простая мысль поразила меня вдруг, как смертельный удар: ведь сынишка теперь может и навсегда уже остаться со мной в этом страшном лесу,

отчего-то не пускающем нас домой!.. И если найдутся еще силы смириться с неизбежной своей гибелью, то никогда не вынести душе безвинных мучений — просто сердце не выдержит.

И здесь я увидел изгородь, край ее, прясло почерневшее: колье так и сяк, враскосья торчало — и обрадовался я ему, как родному!.. Дай, думаю, на радостях-то великих левее возьму — прямо к деревне и вынесет! И взял я круче да левее, подкышкывая сынишку с улыбкой. Сапоги-то мои чавк да чавк — и исчезло прясло, колье полусгнившее, как и не бывало вовсе, и точно бы лес еще теснее сдвинулся — и я разом проникся его дыханием живым! И тогда понял я в страхе, что ведет нас с сыном по бурелому сила скрытная, сила тайная, — и только потому она тащит, не отпускает нас от себя, что одинокими да беззащитными оказались мы перед ее чарами вековыми, черными и мертвыми!..

Но я еще боялся кричать, не рещался сына напугать окончательно, а сынишка все более и более тревожился, все к бабушке просился настойчивее, есть уже хотел, а мне-то — волком бы впору выть!.. И успокаивал я сынишку как мог: нелепо подмигивал, губами трясущимися шекотал, погукивал да повсвистывал — и надеялся, сам не зная на что!..

И вышли мы на сухое место, на поляну круглую. А на ней — дерево стояло: сосна медно-рыжая, гладкая, даже без сучьев. И тогда поставил я с облегчением сына на ножки в красных сапожках, а сам полез по стволу, из последних сил подтягиваясь на ослабевших руках, — спасительную дорогу повысматривать. Но и до половины еще я не добрался, как снесло меня вниз, сила такая!.. А сынишка тут и захохотал!..

И неожиданно я услышал, всем своим существом проникся едва уловимой, далекой и невыразимо-дивной музыкой какой-то песни — до странной дрожи знакомой:

Спи, родимый,

Бог с тобой,

Божья матерь над тобо-о-о-ой!..

Мать моя пела это — тогда, в давние дни, чтоб мой непоседливый сынишка засыпал спокойно. И только теперь — сила такая! — понял я, что мне надо было делать. Голова на плечах, а сердце по леву руку, — стал я прямо, обернулся

вкруг себя три раза и попросил-взмолился трижды: «Господи, помоги!» И порешил я так: куда меня повернет, туда и пойду. А следом поднял на руки сына, перед Богом сердечком безгрешного, и сказал: «Сынок, покажи, куда идти?» И сынишка моментально ткнул розовым пальчиком туда же, куда и меня направило, только правее немного, но тропой — одной. И пошли мы, и заспешили, и удивительное дело — уже ровнее и спокойнее билось у меня сердце, потому что были мы с сыном, как единое целое!..

И прошагали-то всего с полчаса каких-то, не больше, только времени не замечая!.. Как вдруг я остановился, ровно вкопанный — в легкой дымке стояла и смотрела на нас среди деревьев незнакомая женщина: в платке невиданной расцветки, лицо скрывающем, а над ее головой — то ли мне показалось? — точно бы свет исходил райский, и сама в одеждах тоже незнакомых, длинных, темносиних, в складках, и улыбалась эта женщина какой-то знакомой улыбкой!..

— Как же это так? — прошептал я, не веря своим глазам. — Не может быть!..

— Все может быть, — молвила женщина, а голос ее был, как та музыка, что слышалась мне недавно. — Ты же прислал о заступничестве перед Богом.

Я лишь молчаливо кивнул и, не слыша своего голоса, спросил не то, что думал:

— Что же Вы тогда здесь делаете?

— Сегодня же Пречистая, — как мне показалось, несколько удивленно ответила женщина с легкой, чуть уловимой растерянностью: — Всем известно: Рождество Богородицы.

И только теперь мне стало понятно, что я весь пылаю жаром — с ног до головы прохвятило. Красные круги плыли перед глазами — лопались радужно.

— Папа, с кем ты говоришь? — требовательно дернул меня за плечо сынишка, все эти мгновения глазевший в другую сторону, где почвиркивала какая-то невидимая птичка-невеличка. И, не дожидаясь ответа, вдруг радостно закричал:

— Папка, папа! Бабушкин дом! Бабушкин дом!

И верно: среди деревьев, где только что мне виделась дивная женщина, — неожиданно светло открылись сереющие дома деревни!..

ЗАГАДКА КЛАССНОГО ЧАСА

В третий раз разогреваю картошку. Суп безнадежно перекипел. Время моего обеденного перерыва истекло, а сын все не идет из школы.

Когда, наконец, раздался звонок в дверь, я уже металась в прихожей в поисках шарфа и перчаток.

Дальнейший диалог происходил на пороге, почти на бегу.

— Ты почему так долго?

— Классный час был...

— Господи, да чем вы там занимаетесь, целый час-то?!

— Ругают нас. За прогулы и двойки.

Я остолбенела.

— У тебя что, двойки?

— Да нет,— отмахнулся сын, снимая куртку.

— Ты уроки прогуливал? — продолжала подозревать я.

— Да, что ты мам, конечно, нет,— вновь отмахнулся он.

И тут я не выдержала.

— Тогда, что ты там делал?!!

Действительно, что?

Всего лишь — слушал, как ругали других. Хотя эффект от такого «воспитательного воздействия» — нулевой, если не отрицательный, — как для провинившихся, так и для равнодушных свидетелей позора первых.

Не надо быть Карнеги, чтобы понять это.

Но... сила коллективистского мышления, заложенная в нас почти с ясельного возраста, такова, что этот педагогический, а вернее, антипедагогический «прием» используется во всех сферах нашей жизни с упорством, достойным лучшего применения.

Возьмем родительское собрание. Это разве не тот же классный час, только для мам и пап? В присутствии десятка-другого взрослых отчитывают родителей

за то, что является их болью и незаживающей раной. Хоть одной матери или отцу такая «проработка» помогла в воспитании детей? Одни, возвращаясь с собрания, берутся за ремень, другие глотают слезы наполовину с валерьянкой, третьи срывают свое раздражение на первом встречном.

Сложно представить, чтобы подобный «классный час» состоялся, например, в американской школе. Думаю, и там есть и неуспевающие, и прогульщики. Но там и дети, и взрослые знают — не оценки определяют личное будущее каждого ученика, а знания. Хочешь выбиться в люди — учись. Хочешь баклуши бить — это твоя личная проблема, но как бы потом с большим трудом и затратами не пришлось наверстывать упущенное.

У нас же обучение построено не на сознании выгоды, которую получаешь в результате учебы, а на принуждении. На неэкономическом принуждении. Отсюда и результаты. Роль учителя — требовать и наказывать. Роль ученика — подчиниться и избежать по возможности наказания. И так — одиннадцать лет?

Сегодня снова вторник. День классного часа. Я снова гляжу с тоской и раздражением на часы. Правда, я уже знаю, что делают с нашими детьми в этот час. Их — пересаживают!

Что это такое? А спросите-ка сына или дочку. Они вам много интересного расскажут.

Светлана АФАНАСЬЕВА.

ДОМА И В ШКОЛЕ

И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ...

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СПОСОБ

Когда мы вошли в зал и выстроились по росту, физрук дал нам команду:

— Напра-во!

Все повернулись направо, а только Леша Запезалов почему-то повернулся налево.

Физрук велел ему выйти из строя и спросил:

— Ты что, не знаешь, где право, а где лево? Как определишь, где правая сторона, а где левая?

Леша ответил:

— По компасу!

КТО БЫЛ В КИЕВЕ?

Когда на уроке истории мы проходили Киевскую Русь, Анатолий Владимирович обратился к классу:

— Ребята, я хотел бы узнать, кто из вас был в городе Киеве?

Некоторые ребята стали поднимать руки.

— Очень хорошо,—сказал учитель.— А Игорь Пирожков почему-то поднял даже две руки!

— А я два раза был в Киеве! — крикнул Игорь.

БЕДНЫЕ ЗАЙЦЫ

Мы учимся в пятом классе. Однажды на уроке литературы учительница спросила:

— Ребята, какие вы знаете стихи Некрасова об угнетенных?

Один ученик встал и выпалил:

— «Дед Мазай и зайцы»!

— Кто же здесь угнетенный? — спросила учительница.

— Зайцы!

ГРУСТНАЯ ЗАДАЧА

Во втором классе нам как-то задали придумать задачу с числами 90 и 40. И один ученик прочел вслух такую задачу:

— В бассейн нырнуло девяносто человек, а вынырнуло сорок.

— Какая трагедия! — сказала учительница.

ИСПУГАННАЯ КОШКА

В нашем дворе задиристый пес Жулька погнался за кошкой и долго гонял ее по двору. Тут прибежала хозяйка кошки, второклассница Вика. Она взяла кошку на руки, стала гладить и приговаривать:

— Ах ты моя бедная, как ты испугалась, как ты побледнела...

НЕИНТЕРЕСНОЕ КИНО

Однажды в воскресенье мы всей семьей пошли в кинотеатр на дневной сеанс. С нами был мой маленький брат Саша. Сначала он внимательно смотрел на экран, но через некоторое время фильм ему наскучил. Саша стал ерзать на стуле, а потом громко крикнул:

— Папа! Переключи на другую программу!

«ВЕЖЛИВЫЙ»

На отрядном сборе у нас шел разговор о вежливости.

— Некоторые ребята, — сказала вожатая, — не умеют себя культурно вести, особенно по отношению к девочкам. А Вася Сапожников тот просто джентльмен, он даже знает такие слова, как «спасибо». Недавно он толкнул девочку, которая хотела пройти в дверь, и заявил: «Не путайся под ногами! И скажи спасибо, что я тебе не врезал!»

ОВОА И ЛИНЕЙКА

Когда прозвенел звонок на перемену, Ольга Семеновна, наш классный руководитель, объявила:

— Внимание! Завтра будет школьная линейка. Все должны быть в парадной форме. Овоа, ты меня слышишь или опять под партой книжку читаешь?

Овоа неохотно оторвался от книжки и сказал:

— Слышу. Только я не понял, зачем линейки приносить?

Ребята! Эти забавные истории мы взяли из книжки Л. Каминского «Урок смеха».

Но, наверное, и с вами не раз случалось что-нибудь подобное? Напишите нам — напечатаем и посмеемся вместе.

Издавна богат был наш край народными промыслами и ремеслами. К сожалению, с течением времени одни исчезли, другие захирели... Мало осталось людей, что владеют секретами старых мастеров. И мы решили по мере сил способствовать возрождению древних умений. К тому же многие из них и доселе представляют не только этнографический, исторический, но и практический интерес. Катать валенки, к примеру, или

Начинающему пчеловоду И БУДЕТЕ ЖИТЬ ДОЛГО...

Сегодня мы рассказываем о началах одного из древнейших промыслов — бортничества (говоря современным языком, пчеловодства). Советы дает А. М. НЕСТЕРОВ, житель Тарногского района. Он разводит пчел давно и успешно, даже неурожайный для всех год для этого умельца — не помеха. В чем секрет? Не только в богатых знаниях и опыте, но и в отношении Андрея Михайловича к своим питомцам. А. М. Нестеров — автор книги «Календарь пчеловода», которая дважды выходила в Северо-Западном книжном издательстве.

Чем привлекают людей пчелы? Они дают не только мед и воск; в медицине используются также маточное молоко (апилак), прополис, цветочная пыльца и пчелиный яд.

Работа с пчелами полезна и увлекательна. Статистикой доказано: большинство пчеловодов живут долго, причем до конца жизни не теряют активности.

Так что приглашаю вас заняться этим замечательным делом. Разводить

печку сложить — разве это не пригодится и сейчас?

Существует такая версия, что прототипом лесковского Левши послужил мастер родом из Вологды. Так неужели оскудела наша земля на мастеровитых, смекалистых, изобретательных людей?

Мы будем публиковать не только советы мастеров, но и другие материалы, рассказывающие о вологодских ремеслах и промыслах.

пчел можно практически везде. Идеальной считается такая местность, где цветение одних медоносов в течение сезона сменяется другими. Обычно лиственный лес по медосбору богаче смешанного, холмистый ландшафт — равнинного.

На приусадебном участке ульи ставят с южной стороны дома, летом — с юго-восточной. Располагают их на расстоянии три-четыре метра друг от друга. Если места мало, ульи ставят плотнее, но тогда нужно летки направить в разные стороны. На пасеке желательно иметь невысокие деревья и кустарники: на них пчелы будут ориентироваться, а в полдень это хорошая защита от солнцепека. Если ваш участок в густонаселенной местности, чтобы предотвратить нападение пчел на животных и людей, огородите его забором или живой изгородью не ниже двух метров.

Держат пчел не только на селе. В городах и поселках их иногда размещают на чердаках, балконах, крышах зданий. В этом случае во избежание пожара нужно использовать холодные дымаи, в которых вместо гнилушек — вата, смоченная карболовой кислотой.

ЖИЛИЩЕ ДЛЯ ПЧЕЛ

Надо помнить, что от добротности улья зависят развитие пчелиной семьи, ее здоровье и продуктивность.

В нашей стране наиболее распространены одностенные 12-рамочные ульи с размером рамок 435×300 мм, с одной или двумя надставками (магазинами),

у которых рамки наполовину меньше в высоту (435×150 мм). Однако мне больше нравятся 14-рамочные с одним или двумя магазинами, а также утепленные ульи-лежаки на 16—20 рамок с магазинами. Двенадцатирамочные зани-

мают мало места в зимовнике, но их корпуса при осмотре поднимать довольно тяжело. С ульем-лежаком обращаться легче, зато он занимает много места.

Какой выберете вы — дело вкуса. Главное, он должен отвечать необходимым требованиям:

- хорошо сохранять тепло;
- быть вместительным;
- сухим, с добротной крышей;
- легким и удобным для работы;

быть стандартным, то есть чтобы рамки, магазины-надставки, кормушки, вставные доски, холстики и подушки подходили ко всем ульям данной конструкции.

На случай жаркой погоды иметь хорошую вентиляцию не только в гнезде (верхний и нижний летки), но и в крыше.

Проще всего заказать и купить готовые ульи через областную контору пчеловодства. Можно сделать их самому из древесины влажностью не выше 15%. Лучшим материалом является пористое (ситовое) дерево. Оно получается при распиловке давно засохшей на корню ели. Используют также сухие доски сос-

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ
ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

ны, пихты, липы. Ульи олифят, шпаклюют и красят в хорошо воспринимаемые пчелами цвета — белый, голубой, желтый. Разная окраска нужна для предотвращения блуждания пчел, особенно маток.

Коротко об основных деталях улья. Корпус изготавливается в форме четырехугольного ящика с двумя летками в передней стенке. Дно крепится к нижней части корпуса, может быть отъемным и неотъемным. Прилетная доска с подставленной к ней наклонной дощечкой облегчает пчелам вылет и возвращение в улей. Ульевая надставка (магазин) служит для расширения гнезда пчелиной семьи на время сбора меда. Подкрышник предназначен для размещения кормушки и верхнего утепления. Крыша защищает улей и гнездо от неблагоприятной погоды. Диафрагма ограничивает размер гнезда в зависимости от силы семьи. Ульевые рамки предназначаются для отстройки пчелами сотов и подразделяются на гнездовые и магазинные.

Стандартный улей, например, У-1 укомплектован корпусом с неотъемным дном и 12-гнездовыми рамками, двумя магазинами с 20 рамками, подкрышником и крышкой. Его размер $570 \times 570 \times 836$ мм, рамок — 435×300 мм. У-2 имеет те же элементы, только вместо магазинов поставлен второй корпус.

ИНВЕНТАРЬ

Каждый пчеловод располагает большим количеством разнообразного инвентаря и оборудования. Расскажем о главных из них.

Для наващивания рамок: дырокол — для прокалывания отверстий в боковых планках рамок; проволока пчеловодная — для натягивания в ульевые рамки и крепления к ней вошины; лекало — оно состоит из доски с вырезанными со всех сторон фальцами.

Для очистки и хранения меда: фильтр двухсекционный — для удаления механических примесей; разнообразные емкости.

Для ухода за пчелами: стамеска — для разборки улья от гнезда, очистки рамок и стенок пчелиной вошки и прополиса; дымарь пасечный — для усмирения пчел во время осмотра; дымарь лечебный — для окуливания насекомых при заболевании; заградитель летковый — он служит регулятором размера летка; сет-

ка лицевая; халат и т. д. Для хранения сеток лицевых и халатов желательно иметь отдельный шкаф, куда следует положить высушенную перчатную мяту и котовник: их запах успокаивает пчел.

НЕ ОШИБИТЕСЬ В ВЫБОРЕ

Существует великое множество пород пчел. К условиям Вологодской области лучше всего приспособлена среднерусская. По продуктивности она не уступает другим: были бы медоносы да благоприятствовала погода. Начинать разводить пчел рекомендуется с приобретения двух-трех семей. В случае гибели в одной из них матки или ослабления семьи будет возможность оказать ей помощь.

Лучшее время для приобретения пчел — весна и лето, когда легче проверить силу семьи, качество матки и расплода, кормовые запасы. Если в мае пчелы полностью, как говорится, обсиживают 8—10 рамок, то семья считается хорошей, 5—7 — средней, 3—4 — слабой. Сплошной засев или участки сплошного печатного расплода указывают тоже на хорошее качество матки.

При покупке пчелосемьи запасы меда в улье должны составлять 6—8 килограммов. Кроме этого, в гнезде должна иметься перга, она особенно необходима в тех местностях, где в период приобретения пчел отсутствует медосбор.

Весной пчел и расплода в ульях мало, при перевозке нет опасности их запаривания. Летом перевозить пчел рекомендуем только в пасмурную, прохладную погоду, в крайнем случае — ночью.

Летом можно покупать пчел роями. Нужно только знать, что хороший рой — тот, что весит 3,5—4 килограмма. Средний весит два — три, слабый от одного до полутора килограммов.

Пчел можно выпасать и по почте из пчелопитомников или через областную контору общества пчеловодов. Нужно, однако, помнить: в нашу область запрещен завоз пчел из южных питомников, чтобы не ухудшить местные породы.

* * *

Сезон у нас короткий, около четырех месяцев. И чтобы подготовить пчелиные семьи к главному взятку, нужно все подготовительные работы выполнять своевременно, не откладывая их ни на один день.

Варлам ШАЛАМОВ

ПАВА И ДРЕВО

В нашем сознании Шаламов — прежде всего автор «Колымских рассказов», суровой и горькой книги, запечатлевшей не только трагизм эпохи, но и трагизм мироощущения писателя. Может сложиться впечатление, что натура писателя была изначально «мизантропического склада» (строка его стихов). Это, конечно, не так. Лучшее доказательство — публикуемый нами рассказ.

Он был впервые напечатан в 1937 году в альманахе «Литературный современник». Автор в это время был уже арестован, сидел в Бутырской тюрьме, откуда вскоре отправился на Колыму. А рассказ «по инерции» дошел до печати. Чем он интересен? Прежде всего материалом — родным, вологодским. Мы имеем случай убедиться, что Шаламову дорого все, что связано с родным краем. Бросается в глаза великолепное знание кружевного дела, его мельчайших деталей. Такое знание дается только тому, кто впитал его с детства. А как точно интонации народной речи! С теплом и любовью выписан образ старушки-кружевницы Анны Власьевны.

Конечно, можно к рассказу предъявить и претензии; он, несомненно, несет на себе отпечаток времени создания. Но не это главное. Мы видим, что Шаламов начинал путь в литературу совершенно иным, чем предстал перед миром автор «Колымских рассказов». В нем преобладало светлое, жизнелюбивое начало, его влекли мирные темы и мирные, добрые люди...

Все было перечеркнуто Колымой. Из тех лагерей вернулся другой человек, другой писатель. Он считал своим долгом рассказать о том страшном, что увидел и пережил. А рассказ «Пава и древо» остался воспоминанием о молодости, о доме, о родной Вологде.

Валерий ЕСИПОВ.

АННА Власьевна кружевничала шестьдесят пятый год. Плотно охватив сухонькими морщинистыми пальцами коклюшку, она ловко перекидывала нитку от булавки к булавке, выплетала сборку для наволочки — самое пустое плетение. Двумя парами коклюшек водила по кутузу, по кружевной подушке Анна Власьевна. В молодые годы вертела она по триста пар коклюшек — самая знаменитая кружевница Северного края. Давно уже не плетет Анна Власьевна сердечки и опахальца, оплет и воронью лапку, стежные денежки и решетки канфарные — все, чем славится вологодское кружево: сцепное, фонтанное, сколичное... Двадцать лет как ослепла Анна Власьевна, но и слепая, ежедневно сидит она за кутузом — плетет для артели самый простой узор.

Род Анны Власьевны — кружевной род. Трехлетним ребенком играла она на повети «в коклюшки да булавки», а пятилетней посадили ее к настоящей подушке — «манер заучивать» — пусть попривыкнет вертеть коклюшками, да и рука пораньше тверже станет. А через год — два и дому помощь. К восемнадцати годам стала она первой мастерицей в селе, сама составляла узоры и сколки на «бергаменте», и Софья Павловна Глинская взяла ее к себе в усадьбу первой плетеей.

Тридцать две зимы просидела здесь Анна Власьевна. Зимами только и плели: «летом день длинен, зато нитка коротка», думы не кружевные, изба ведь не кружевами держится — землей. А какая изба — в окно только ноги прохожих видно. Анна Власьевна плела только самое тонкое, самое хитрое кружево. «Иное плетешь тонко-тонко в вершок шириной, пол-аршина в две недели сплетешь, да больше двух часов в день и плести нельзя — глаза ломит». Так Анна Власьевна и ослепла — «темная вода» залила ей глаза. Анна Власьевна вернулась в избу, перешла жить к старшей дочери. Мужа она давно схоронила, уж внучка-кружевница на выданье, и волосы у внучки мягкие-мягкие...

— Бабушка, ты спишь? Федя приехал.

— Не сплю я — замыслилась. Смеются, небось, бабы — Анна Власьевна четырьмя коклюшками плетет. А того не помнят, сколько я знала. У нас на деревне да, почитай, во всем крае толь-

ко на скелотое кружево и мастерицы. А я знаю численное, когда надо нитки считать и узор сам собой повторяется — у Софьи Павловны петербургские знаменитики узоры-то эти чертили. Численное — это уже самое старинное русское, давно уже нет численниц-то нигде, а у Софьи Павловны только я одна была. Четырнадцать медалей Софья Павловна за мое кружево-то получила.

Знаю я и кружево сканое, шитое и пряденое понимаю. А на коклюшках-то все разумела: манер белозерской, балахнинской, рязанской, скопинской, елецкой, мценской — все знаю. По узорам-то и памяти моей не хватит считать: и рязанские-то павлинки, и проеакй-речку, и ветки-разводы травчатые, и бровки-пышки — города и вертячий край, и гипур зубьями... Калязинский манер цветами тонкий, паучки орловские, бачино ярославские, копытцы да блины тверские — белевский винок, — все знала. Но против нашего вологодского манера — никуда. У нашего нитка нитку за ручку ведет. Видала я у Софьи Павловны и баланфен плетёный французский, и гипур нитяной испанский. Не пришлось за нрав. Нет у них чистоты нашей, — недаром вологодское-то кружево на убрusy невестам шло.

Ходка я была на работу-то, ходка. По полтиннику в день выработывала: зимами-то фунт керосину в копилке сжигали. В полуден полоскаешь да чайку попьешь — очень мы чай любили и сахару не жалели: когда вприкуску, а когда и вприглядку попьешь... И опять за коклюшки... А уж плетая была! Я на узком кружеве-то не сидела. Цельные платья выплетала я, тальмы, вуали, накладки, чепцы плела...

Старопрежнюю работу только и знала, что я да Угрюмова Пелагея, плетая наша, что в Петербург ездила. И только паву и древо мои и Пелагее не выплесть. Вятское это плетение, пав-то с древом...

НО о «паве и древе» внучка слышала много раз — без малого двадцать лет рассказывает об этом узоре Анна Власьева — «только бы разок паву и древо выплесть, да и на кладбище. Не успела я дочек научить, не успела. Может, где теперь и плетут. Принесли бы, показали». И дочери приносили каждый новый узор матери. Анна Власьева ощупывала кружево. нюхала.

глядя пальцами: «Нет, не то. Далеко до моих». «Где нам, маманя. Была ты первая коклюшница по Северу, и теперь тебя так кличут. Анесподист Александрович, приемщик, недавно байл: «Твою бы матку, Наталья, в артель». То-то. Да и нитка толста. На такой нитке только к наволокам кружево идет...»

— Бабушка, Федя-то доктор теперь. Распишемся мы, и тебя возьмем. Работать не надо будет.

— Не из-за куска хлеба на артель верчу. Шестьдесят лет кружевничая, разве отстанешь? Так с коклюшкой и помру. Сдавали сегодня?

— По первому сорту, бабушка.

— Мы кружевницы природные. Нам нельзя позориться. Ну, девка, потревожила ты меня — пойду доспать.

— Чего много спишь, бабуля?

— Эх, внучка. Глаза ведь ко мне ворочаются. Во снах-то я в вижу. Рожь, милушка, вижу — колос к колосу, желтую-желтую. Кружево вижу и Софью Павловну вчера видала — она меня коклюшкой в бок ткнула, когда губернаторше численное кружево я плела, да в счете ошиблась. А больше всего плету во сне пав и древо, что вы сплести не можете. Из моих-то пав, баили, сама английская царица мантилью сошила...

Анна Власьева уже добралась до своей койки.

— Бабушка, не ложись. Мама идет, обед собирать будем.

Последнее время за обедом у Анны Власевны было много беспокойства.

Она ворчала:

— Что это мне в отдельной тарелке? Или я заразная какая?

— Все так едим, маманя. Дай руку, покажу.

Волновалась:

— Что это вы каждый день мясо да мясо?

— Ешь, бабушка.

Или хитрила:

— Алексей! Как ноне рожь-то? Принеси колос...

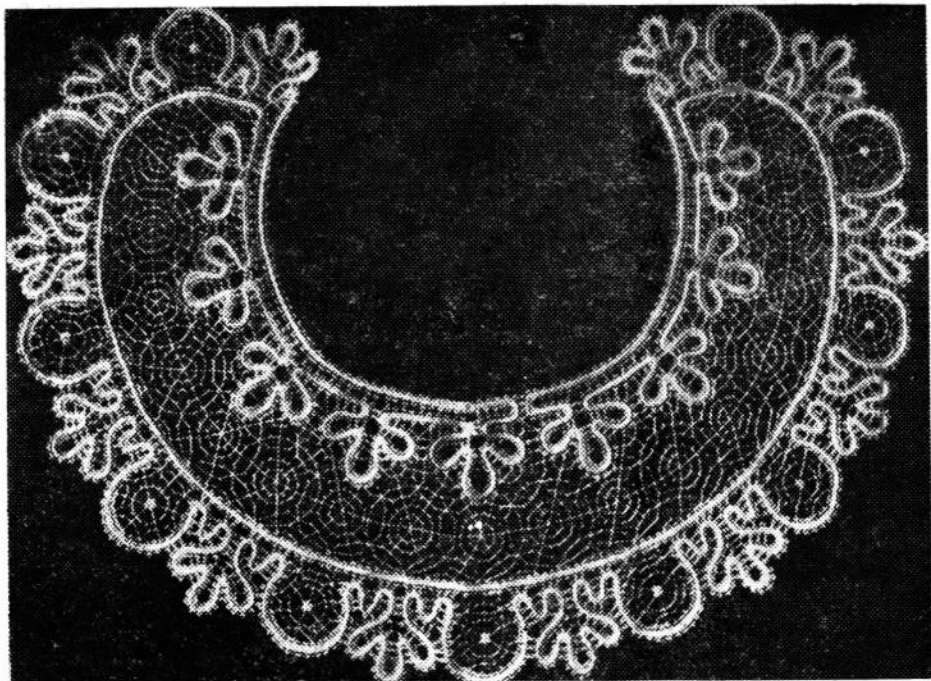
— Зачем?

— Хлеб, что ли, у вас растет какой особенный?

— А что?

— Вот кровать с шипками купили...

СТАРУХА завела привычку: оставаясь одна, она передвигалась по комнате и ощупывала новые вещи. Оп-

нажды ошупала большое зеркало и заплакала. Эта менявшаяся география избы тревожила слепую. Годами она двигалась уверенно, как зрячая, и вдруг наткнулась на гнутые стулья, на комод, на новый кованный сундук. «Оставьте угол-то мой в покое», — просила она детей.

— Хлеб да соль.

— Вот Федя, бабушка.

— Ишь, голос-то какой густой. Дьяконский. Ну, подойди, подойди, я тебя потрогаю. Экие лапищи.

— Ну что, Анна Власьевна? Все пава за павой?

— Пава и древо, дурень. Пава за павой — иной сколок, проще...

Федор Карпушев, соседский сын, чтобы поразить будущих родственников, облачился в белый блестящий халат. По-московски любезничая, по-родному «окая», он усаживал старуху перед окном.

— Пожалуйста, Анна Власьевна, сю-

Это, конечно, не тот легендарный узор, которым так гордилась героиня рассказа Шаламова. Но — все равно красиво, правда? Может быть, кто-нибудь, начав с такого вот, не слишком замысловатого, и до вершин кружевоплетения доберется...

Фото Олега ЮШКОВА

да сядьте... Пovyше голову поднимите. Вы — мой первый пациент на родине.

— Пациент, — ворчала старуха, довольная почетом. — Пациент. Пахать надо. Фершал.

— Анна Власьевна, а вы врачей одновременно посещали?

— Чего?

— Вы глаза обследовали у врачей?

— Чего?

— В околотке, я говорю, бывала с глазами? — заорал Федор.

— В околоток-то ходила. Капли какие-то пахучие дали. Баили: табак бы нюхала, глаза-то и целы были. Да ведь я не первая. Кружевницы-то тонких узоров все глазами мучаются. Вот сноха-то Карлушева Ивана Павловича в Николин день...

Федор грохотал рукомойником.

— Знаешь, бабушка, твои глаза поправить можно. Операцию надо делать. Катаракт это...

— Полно брехать-то над старухой. У лавочника нашего, у Митрия, катаракт-то в желудке был, ему Мокровской, дай Господи светлой памяти, городской-то доктор, два раза резал, а все умер Митрий. Я ему так и говорила: все равно умрешь, черт, мало ты над кружевницами изгилялся. По триста кружевниц на него работало.

— Да не рак, а катаракт, бабушка.

— Все одно.

Но старуху оговорили. Анна Власьевна пришла в благодушное настроение и попытывалась у Федора:

— А косить можешь?

— Мало я косил...

— Ну, тогда лечи.

— К профессору отвезем.

— А профессор твой может косить?

— Не знаю. Может, наверное...

— Ну, все одно... Вези. Только коклюшки я с собой возьму.

ФЕДОР увез старуху в Москву, а через два месяца написал, что операцию делал самый знаменитый профессор, что Анна Власьевна видит. Потяхоньку вертит коклюшками, а присмотреть за ней некому. Москва ей не понравилась: «не ослепнешь, так оглохнешь», и что через неделю думает он отвезти Анну Власьевну на Ярославский вокзал и посадить в поезд.

Но старуха приехала раньше, не вытерпела.

В стеклянный осенний день на полу-

станке вылезла она из вагона. Шофер закричал с грузовика: «Садись, подвезу, бабушка. Тут ближе десяти верст нет деревень...»

— Спасибо, сынок. Я и пешей дойду...

По тропке вдоль серых больших стогов дошла она до своей деревни. На околице хмурый бондарь стругал доски для огромного бака.

— Где тут Волоховы живут?

— Тут полсела Волоховых...

— Дом с красной крышей, баили...

— Тут полсела с красной крышей...

Обиженная Анна Власьевна с трудом добралась до своей избы: изба была почти в середине «порядка», а не с краю, как раньше. Дверь закрыта — хозяева в поле. Анна Власьевна зажмурила глаза, нащупала щеколду, открыла. Вошла, огляделась: кровать была совсем такая, как думала Анна Власьевна, а вот комод — нет: лак подался и замки какие-то легкие. Подошла к зеркалу, поджала губы: от годов-то никуда не уйдешь. А нет, старенькая, а румяная.

Анна Власьевна повернулась, открыла ящик комода и обомлела: кружево «пава и древо», того самого хитрейшего узора, что когда-то сгубил глаза Анны Власьевны, что выплела она теперь в Москве артели в подарок, было сложено в ящике комода аккуратными стопочками, приготовлено к сдаче.

Анна Власьевна охнула.

— Мамадя, мамадя, — испуганные дочери стояли в дверях.

— Чье плетенье? — строго спросила старуха.

— Поздравствуемся, мамадя...

— Чье плетенье? — под ногой Анны Власьевны скрипнула половица.

— Наше, мамадя... Мы с Шуркой...

Старая кружевница улыбнулась.

— Такую красоту выплесть... Молодцы, бабы. Нет, не угаснет наш род... Сокрыли от старухи умение свое... Гордость мою кружевную хранили...

Анна Власьевна заплакала. Вытерла глаза маленькими кулачками, развязала дорожный узелок и достала свое плетенье. Взяла из комода работу дочерей, подошла к окну, сравнила...

— Я еще елку с оленем составить могу, — тихо сказала Анна Власьевна.

Домашнее хозяйство — дело необыкновенно сложное.

Особенно сейчас... Мы надеемся, что советы, опубликованные в этом разделе нашего журнала, хоть в чем-то помогут вам.

Надеемся и на читательскую помощь: наверняка у каждого из вас есть свои маленькие секреты, свои рецепты.

Поделитесь ими, пожалуйста!

Приятного аппетита

ПОПРОБУЙТЕ!

Татьяна Константиновна ПРОКОПЬЕВА, ведущая нашего кулинарного раздела, — одна из лучших поваров Вологды. Начиная работать на кухне ресторана «Золотой якорь», потом семнадцать лет работала в «Вологде», а сейчас ее как опытного специалиста пригласили возглавить производство в новом ресторане — «Октябрьском». Здешняя кухня уже по праву славится.

Сегодня я предлагаю несколько блюд, приготовить которые, наверное, не составит труда даже при нынешнем дефиците.

Салат витаминный из морской капусты. Сырую морковь натереть на крупной терке. Огурцы и яблоки нарезать тонкими ломтиками, заправить солью, сметаной, перемешать с морской капустой. Салат уложить в салатник горкой, украсить ломтиками вареного мяса, посыпать зеленью.

150 г морской капусты, один соленый огурец, две моркови (100 г), одно яблоко, одно яйцо, четыре ложки сметаны, зелень. Соль по вкусу.

Свекла с чесноком. Вареную свеклу натереть на крупной терке с чесноком, заправить майонезом и посыпать толчеными орехами.

130 г свеклы, 30 г майонеза, 10 г орехов, два зубчика чеснока.

Свеклу можно готовить со сметаной без чеснока, добавив в нее свежие яблоки.

Майонез домашний. В сырые желтки добавить горчицу, соль, сахар, тщательно размешать. Не переставая размешивать массу, маленькими порциями (по чайной ложке) добавлять растительное масло. Когда все масло будет использовано, влить уксус и размешать. В готовый майонез можно добавить сметану (100 г на 200 г майонеза).

250 г растительного масла, два сырых желтка, чайная ложка готовой горчицы, 50 г 30-процентного уксуса. Если уксус крепче, то развести его кипяченой водой. 10 г сахара (чайная ложка), соль по вкусу.

Щи из квашеной капусты с грибами. Квашеную капусту промыть, нарубить. Лук, морковь жарят на растительном масле, кладут в кастрюлю с капустой, добавляют немного жидкости (можно добавить томат) и тушат около часа. Сушеные грибы замачивают, затем промывают, варят полтора часа. Вареные грибы мелко режут и слегка поджаривают на растительном масле. В горячий бульон кладут тушеную капусту, грибы. Муку прогревают на сковородке, разводят водой, добавляют в щи и кипятят десять минут. Готовые щи заправляют толченым чесноком и зеленью. Можно подать со сметаной.

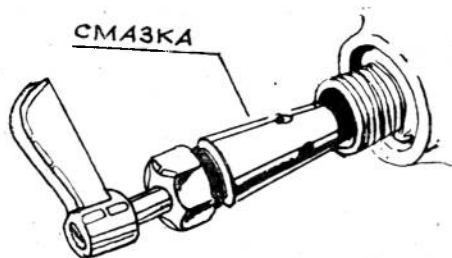
На одну порцию (500 г): капусты квашеной 120 г, лука 20 г, моркови 20 г, муки 5 г, масла растительного 10 г, 5 г грибов сушеных.

НА ВСЕ РУКИ

ДОМАШНЕМУ МАСТЕРУ

МЫЛО ПРОТИВ ТЕЧИ

Устранить течь в кране, переключаящем воду в душ или ванну, очень просто самому. Достаточно вывинтить конус крана и покрыть его тонким слоем какой-либо густой смазки или мыла (см. рисунок).

О КОВРАХ

При чистке ковров следует помнить, что ковры не любят жестких щеток, горячей воды — от нее остаются подтеки, вспученные места. Против горячую жидкость, сейчас же соберите ее губкой и приподнимите край ковра для просушки.

Чтобы на ковре не оставались «лысины», под ножки мебели, особенно тяжелой, подложите кусочки резины, фетра.

* * *

В том случае, когда края ковра закруглились сверху, необходимо взять два куска непромокаемой бумаги или тонкой клеенки и мокрую тряпку и сделать следующее: под ковер подложить клеенку, расправить его, сверху положить мокрую тряпку, снова клеенку и, наконец, какой-нибудь груз. Ковер разгладится через два-три дня.

КАК ЧИСТИТЬ...

ПУХ И ПЕРЬЯ. Чтобы очистить пух и перья из подушек, их помещают в мешок из редкой ткани и опускают на один час в мыльный теплый раствор.

(200 г хозяйственного мыла и одна чайная ложка нашатырного спирта на пять литров воды). Затем мешок с перьями и пухом тщательно промывают и сушат.

КАСТРЮЛЮ ИЗ АЛЮМИНИЯ. Для удаления черноты в алюминиевой посуде ее протирают изнутри ватой, смоченной в столовом уксусе, и промывают горячей водой.

КАФЕЛЬ. На кухне и в ванной комнате можно протирать его тряпкой, смоченной в керосине или столовом уксусе (200 г уксуса на литр воды). После этого помутневший кафель вновь заблестит.

ХОЛОДИЛЬНИК. Свойство зубного порошка шлифовать и свойство нашатырного спирта растворять общезвестны. Приготовьте состав из 50 г порошка и 20—25 г нашатырного спирта. Протрите белой бумагой, смоченной в этом составе, поверхность холодильника, и она приобретет свой первоначальный блеск.

КНИГИ. Пятна на книгах от сырости (плесень) нельзя стирать тряпкой, иначе плесень можно втереть в бумагу. Эти пятна смачивают 2—3-процентным раствором формалина, который убивает плесень. А сами пятна обесцвечиваются перекисью водорода. Для этого под лист книги кладут лист плотной белой бумаги, пятно смачивают перекисью водорода, потом через некоторое время перекись водорода удаляют промокающей бумагой.

О ТКАНЯХ

Прежде чем кроить хлопчатобумажную ткань, намочите ее в теплой воде, затем просушите, выгладите.

* * *

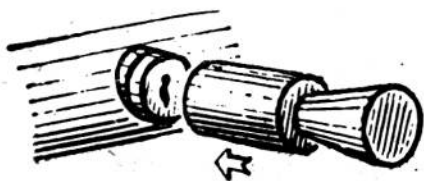
Перед кройкой шерстяную ткань аккуратно заверните в смоченную и слегка отжатую простыню. Когда ткань впитает всю влагу и почти высохнет, прогладьте ее легкими движениями утюга по направлению долевой нитки. Теперь кроите.

* * *

Чтобы вязаные шерстяные платья и кофты после стирки не теряли форму, их можно сушить так: протяните две бельевые веревки с промежутком. Закрепите между ними прищепками махровое полотенце, а на него положите влажную вещь.

ЗАМОК ЗАМЕРЗ

Замерзший замок багажника «Москвича», «Жигулей» или «Волги» можно в считанные секунды отогреть с помощью прикуривателя. Его прикладывают к замку, и нажимают кнопку так, чтобы раскаленная спираль коснулась личинки замка. (См. рисунок).

СТЕКЛО РЕЖЕТ ПАЯЛЬНИК

Есть немало способов резки стекла, среди них имеется один оригинальный способ, хорошо оправдавший себя на практике. Против иных он имеет то преимущество, что позволяет резать стекло любой конфигурации.

Раскаленное острие паяльника используется следующим образом — на краю стекла, там, где начинается кривизна резьбы, или поблизости от нее, паяльником или игольной пилой нужно нанести насечку. Отступив от насечки несколько миллиметров по направлению к линии будущей резьбы, следует прогреть стекло паяльником так долго, чтобы в промежутке между насечкой и разогреваемым местом появилась трещина. Этим же способом продолжаем прогревать стекло дальше, каждый раз отступая на несколько миллиметров от конца трещины к новой части нагреваемого стекла.

Резку стекла с помощью паяльника можно ускорить, если стекло регулярно охлаждать влажной тряпкой. На первый взгляд, этот способ резки стекла несколько медлителен и требует большого терпения, но он дает возможность вырезать из стекла такие фигуры, которые другим способом не сделаешь.

ПО РАЗНОМУ ПОВОДУ

Беловатый осадок внутри графина можно удалить, если налить в графин горячую воду, добавить чайную ложку уксусной эссенции, через минуту хорошенько прополоскать чистой водой.

* * *

Если трудно раздвинуть обеденный стол, раскладную кровать или выдвинуть ящик, натрите направляющие рейки парафином или сухим мылом.

* * *

Если на слое краски образовалась пленка, процеживать ее вовсе не обязательно. Достаточно опустить в банку кусок капронового чулка, и кисть можно будет макать прямо через чулок. Краска при этом используется полностью, без потерь.

* * *

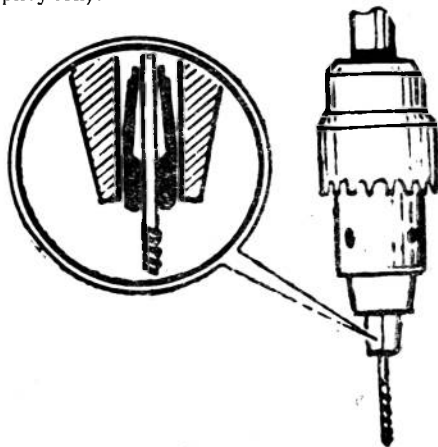
Пластин не раз выручал домашнего мастера. Если нужно налить жидкость из ведра в посудину с узким горлом, возьмите кусок пластилина и сделайте из него любой формы носик на ведро.

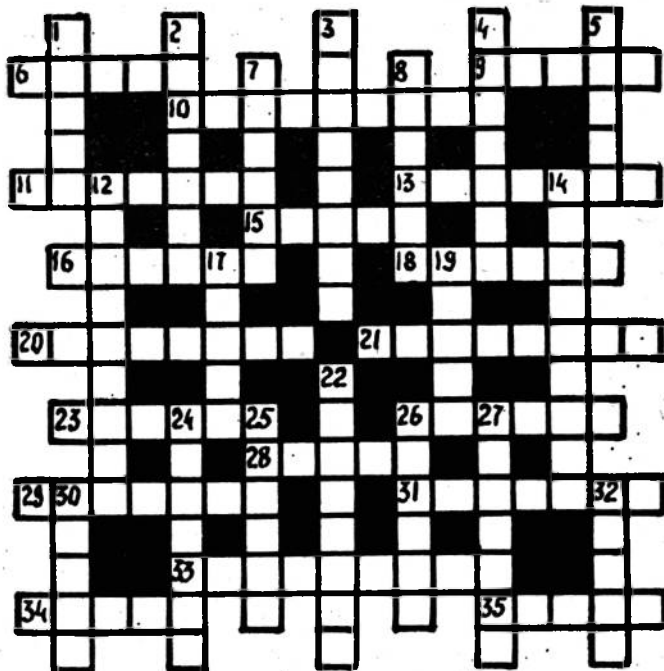
* * *

Шерстяную пряжу очень темного цвета можно высветлить с помощью питьевой соды. Для этого положите в кастрюлю с горячей водой 1—2 столовые ложки питьевой соды и сразу же опустите в нее предварительно намоченную пряжу. Дайте ей покипеть в этой воде 2—5 минут (можно и больше). Затем несколько раз прополощите пряжу в холодной воде.

* * *

Сверло малого диаметра трудно укрепить в патроне дрели. Можно воспользоваться цангой от чертежного цангового карандаша с диаметром грифеля 1 мм. Сверло сначала вставляют в цангу, а затем зажимают в патроне. (См. рисунок).

К Р О С С В О Р Д

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Один из основателей французского утопического социализма. 9. Дикий горный баран. 10. Слово или сочетание, одинаково читающееся с начала и с конца. 11. Короткоствольное артиллерийское орудие. 13. То же, что видеоконтрольное устройство. 15. Крупная степная птица. 16. Напряженная летняя работа на полях. 18. Верхняя и нижняя одежда в Древнем Риме. 20. Должностное лицо ведомства иностранных дел. 21. Небесное тело. 23. Столица государства в Европе. 26. Французский футбольный клуб. 28. Город в Японии. 29. Звезда первой величины в созвездии Скорпиона. 31. Музыкант, играющий на народном инструменте. 33. Испанский драматург. 34. Злаковое растение. 35. Полярные или высокогорные заросли карликовой березы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Помещение, сарай для сжатого хлеба. 2. Оранжерея. 3. Наблюдение с целью проверки. 4. Летчик, один из первых Героев Советского Союза. 5. Четырехместная карета с открывающимся верхом. 7. Древнегреческая эпическая поэма. 8. Приятный запах. 12. Малоформатная печатная машина. 14. Отрасль геологии, изучающая движение и деформации земной коры. 17. Поэма М. Ю. Лермонтова. 19. Порт в Польше. 22. Юмористический журнал. 24. Южное плодовое дерево. 25. Вид прыжка в фигурном катании. 26. Национальный испанский танец. 27. Молодое древесное растение, выращенное в питомнике. 30. Советский детский писатель. 32. Химический элемент, металл.

**Уважаемые читатели!
Вот вы и познакомились
с первым номером «Лада».**

Понравился ли он вам?

**Мы, конечно, понимаем, что трудно
оправдать сразу же надежды всех подписчиков.
Но ведь журнал-то наш только начинает выходить.**

**И есть еще время, узнав ваши пожелания, что-то
исправить, дополнить, расширить.**

**Надеемся, что вы поможете нам получить точное
представление о том, кто же наши читатели.**

**Поэтому большая к вам просьба:
пришлите нам не только свои
размышления по поводу будущего «Лада»,
но и краткие сведения о себе
(возраст, род занятий).**

**Это поможет нам сделать
журнал интереснее,
четче определить
его позицию.**

**Напоминаем: подписка на «ЛАД» принимается без ограничений
в любом отделении связи области. В розницу журнал поступает в
крайне ограниченном количестве. Да и дешевле выписать: подписчи-
ку один номер обходится в сорок копеек, а розничному покупате-
лю — в шестьдесят.**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПУБЛИЦИСТИКА	
С. Аланов. Кому на Руси?	3
В. Степанов. Печальная тайна картошки	6
О. Листикова. «Семь с половиной человек»	19
Ю. Гавриков, А. Рембуев. ...И его команда	43
КНИГА В ЖУРНАЛЕ	
В. Голяшевич. Похищение «Книги рекордов Гиннеса»	25
ПОЭЗИЯ	
«Как будто ветер...» Стихи Н. Рубцова	9
ПРОЗА	
А. Цыганов. Мерцание. Два рассказа	46
В. Шаламов. Пава и древо	55
И НЫНЕ, И ПРИСНО	
Отец Виталий Осипов. О религии	15
Молитва к богу супруга-христианина	16
ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ	
В. Ванин. Всего-то полшага	22
«Юности честное зеркало»	23
Г. Резникова. Давайте успокоимся!	24
ФОТОАЛЬБОМ	
А. Сальников. Шепот времени	4
РОДОСЛОВНАЯ «ЛАДА»	
И то, и сию	41
ВРЕМЯ, СВОБОДНОЕ ОТ СКУКИ	
«Зеленые ежики»	45
ДОМА И В ШКОЛЕ	
С. Афанасьева. Загадка классного часа	50
И все засмеялись	51
НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ. ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ	
А. Нестеров. И будете жить долго	52
НА ВСЕ РУКИ	
Т. Кондратьева. Попробуйте!	59
Домашнему мастеру	60
Кроссворд	
	62

Обложка художника **А. Демидова**, фотографика **В. Решетникова**
 В оформлении номера использованы гравюры **Г. и Н. Бурмагиных**, **М. Чураковой**,
А. Демидова.

Учредители — первичная организация Союза журналистов РСФСР
 редакции газеты «Красный Север» и Вологодский обком КП РСФСР

Сдано в набор 17.12.90. Подписано в печать 10.01.91. Формат 60×84/16. Бумага
 газетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 4,87. Тираж 19 500.
 Заказ 8032. Цена по подписке 40 коп., в розницу 60 коп.
 ВППО, областная типография. 160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Цена: по подписке — 40 коп.,
в розницу — 60 коп.